

вспышная история в романах

Екатерина ГЛАГОЛЕВА

МАЯТНИК СУДЬБЫ

Всемирная история в романах

Екатерина Глаголева

Маятник судьбы

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(4)

Глаголева Е. В.

Маятник судьбы / Е. В. Глаголева — «ВЕЧЕ»,
2023 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-8938-9

1813 год, колесо Фортуны пришло в движение. Великая армия Наполеона изгнана из России, но не побеждена окончательно. Тот, кто сегодня разбит, завтра снова торжествует. Вся Европа в смятении. Правители, министры и генералы перебегают из одного лагеря в другой, и каждый должен решить для себя: преданность или благоразумие? Честь или жизнь? Труднее всего приходится маршалу Бернадоту, ставшему шведским кронпринцем: он должен постоянно делать выбор между природным и приемным отечеством, долгом дружбы и долгом благодарности. И он не одинок, ведь многие французы, немцы, поляки, покинувшие родину и сменившие подданство, ныне вынуждены воевать против бывших соотечественников, пока Наполеон пытается оседлать маятник судьбы. Этим романом завершается серия книг Екатерины Глаголевой о противостоянии императоров Александра и Наполеона.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(4)

ISBN 978-5-4484-8938-9

© Глаголева Е. В., 2023
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Маятник судьбы	8
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Екатерина Глаголева

Маятник судьбы

© Глаголева Е., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Екатерина Глаголева

Дипломированный переводчик Екатерина Владимировна Глаголева (р. в 1971 г.) начала свой литературный путь в 1993 году с перевода французских романов Александра Дюма, Эрве Базена, Франсуа Нурише, Фелисьена Марсо, Кристины де Ривуар, а также других авторов, претендующих на звание современных классиков. На сегодняшний день на ее счету более 50 переводных книг (в том числе под фамилией Колодочкина) – художественных произведений,

исторических исследований. Переводческую деятельность она сочетала с преподаванием в вузе и работой над кандидатской диссертацией, которую защитила в 1997 году. Перейдя в 2000 году на работу в агентство ИТАР-ТАСС, дважды выезжала в длительные командировки во Францию, используя их, чтобы собрать материал для своих будущих произведений. В тот же период публиковалась в журналах «Эхо планеты», «History Illustrated», «Дилетант», «Весь мир» и других. В 2007 году в издательстве «Вече» вышел первый исторический роман автора – «Дьявол против кардинала» об эпохе Людовика XIII и кардинала Ришелье. За ним последовали публикации в издательстве «Молодая гвардия»: пять книг в серии «Повседневная жизнь» и семь биографий в серии «ЖЗЛ». Книга «Андрей Каприн» в серии «ЖЗЛ: биография продолжается» (изданная под фамилией Колодочкина) получила в 2020 году диплом премии «Александр Невский».

Книги автора, вышедшие в издательстве «ВЕЧЕ»:

Дьявол против кардинала. Серия «Исторические приключения». 2007 г., переиздан в 2020 г.

Путь Долгоруковых. Серия «Россия державная». 2019 г.

Польский бунт. Серия «Всемирная история в романах». 2021 г.

Лишенные родины. Серия «Всемирная история в романах». 2021 г.

Любовь Лафайета. Серия «Всемирная история в романах». 2021 г.

Пока смерть не разлучит... Серия «Всемирная история в романах». 2021 г.

Битвы орлов. Серия «Всемирная история в романах». 2022 г.

Огонь под пеплом. Серия «Всемирная история в романах». 2022 г.

Нашествие 1812. Серия «Всемирная история в романах». 2022 г.

Пришедшие с мечом. Серия «Всемирная история в романах». 2023 г.

Маятник судьбы. Серия «Всемирная история в романах». 2023 г.

Маятник судьбы

1

Никогда нельзя пытаться в разговоре с умным человеком выставить черное белым. Черное все равно проступит, когда нанесенный сверху слой белил соскребут слухи и случайности. Хуже того: серое облако недоверия и подозрительности окутает все дальнейшие сношения, так что и белешенькое покажется грязноватым. Не замазывать черное! Но сделать его фоном для белых узоров. Человек так устроен: глядя темной ночью на небо, он видит яркую луну и путеводные звезды, а не бескрайний тревожащий мрак.

В длинном письме к императору Францу Наполеон не стал скрывать истинного положения дел: обстоятельства временно обернулись в пользу России, которая получила большой численный перевес в пехоте, кавалерии и артиллерии, так что он готов принять посредничество Австрии для начала переговоров, чтобы выиграть время. Однако вынужденное отступление Великой армии – еще не разгром. Раненые и больные остались в Кенигсберге, остальные в полном порядке отступили на запад под прикрытием сильного арьергарда. Удержав Данциг, Торн и другие крепости на Висле, мы сможем выправить положение. Первая линия французских войск сейчас состоит из двадцати четырех тысяч солдат и полусотни орудий, вторая уже организуется; обезлошадевшая кавалерия отправляется в депо на Одере, чтобы забрать там лошадей; туда же к марту придут сорок батальонов из Италии, чтобы присоединиться к сорока другим, стоящим на зимних квартирах. Сенат издал указ о новом рекрутском наборе: сто тысяч человек возьмут из Национальной гвардии, еще столько же – из запаса и сто пятьдесят тысяч – из числа призывников будущего года. Пока же австрийцам нужно лишь прикрыть Варшаву и повлиять на Пруссию, слабовольный король которой болтается, точно маятник, между Францией и Россией, то клянясь в верности Наполеону, то требуя от него нейтралитета для Силезии и уплаты долга в девяносто четыре миллиона франков. Мыслимое ли дело: генерал Йорк подписывает договор с русскими и выводит из войны часть прусских войск без разрешения своего монарха! Но русские напрасно трубят о победе. Франция не намерена молить о мире, Империя никогда не согласится на отчуждение земель, которые объявлены Сенатом ее территорией, то есть Рима, Пьемонта, Тосканы, Голландии и Ганзейских департаментов, и не потерпит приращения территории России. Она готова прийти на помощь своим союзникам и надеется на такие же поступки с их стороны. Кампания 1813 года станет решающей!..

Хочется верить, что австрийскому императору хватит ума, чтобы слушать своего зятя, а не молодую жену, одержимую ненавистью к Бонапарту. Ах, эти старики на троне! Впрочем, и молодые не лучше.

Недавно матушка передала Наполеону письмо от Луи, который приютился в Граце под крылом у Франца и сочинял там стишки и романы под псевдонимом «граф де Сен-Ле». «Глубоко огорченный страданиями и потерями Великой армии» после одержанных ею побед и убежденный в том, что «великая борьба возобновится с еще большим ожесточением», Луи предлагал снова сделать Голландию королевством и вернуть его на престол, «чтобы Голландия сама озаботилась своей безопасностью». Каков наглец! Как будто не он в свое время отказался поставить назначенное количество рекрутов для защиты от англичан! Теперь он вспоминает о том, что родился французом и братом Наполеона, а тогда всячески стремился сделаться настоящим голландцем. Людовик Добрый! Он даже взялся учить голландский язык и всех насмешил, когда вместо «я – голландский король» у него вышло «я – голландский кролик». Трус! Ему не достало мужества приехать во Францию, где его дети растут без отца, и явиться к брату

собственной персоной. Конечно, Наполеон сам порвал с ним, когда присоединил Голландию к Империи, но обстоятельства меняются, только осел не понимает разницы между упорством и упрямством. Осторожность сейчас важна не меньше решительности; непослушных сорванцов, способных выкинуть любой фортель, лучше держать перед глазами. Наполеон ответил на глупое письмо Луи, пообещав принять его в Париже не как обиженный им брат, а как воспитавший его отец. «Что же касается ваших идей о положении моих дел, то они ложные, – продиктовал он секретарю отрывистым тоном. – У меня миллион солдат и двести миллионов казны для сохранения в целостности территории конфедерации и моих союзников и успешного осуществления моего проекта для счастья моего народа. Голландия французская навсегда, это отросток нашей территории, устье наших рек, она может быть счастлива только с Францией и полностью это понимает. Оставаясь во Франции, вы не разлучаетесь с Голландией, но если под разлукой вы понимаете отказ от правления, то вы сами покинули ее, отрекшись от трона...» Да-да, пусть освежит свою память! Не так уж давно это было!

Просто поразительно: стоит кому-нибудь из его родни возложить себе на голову корону, как он тотчас забывает, из чьих рук ее получил! Начинает заискивать перед своими подданными, радеть об интересах «приемного отечества»! Тогда как его должны заботить только интересы императора, интересы Франции! Италия, Испания, Голландия, Вестфалия – ничего этого на самом деле не существует! В мире есть только Франция и Англия, ведущие между собой вековую борьбу, и от того, кто из них победит, зависит будущее. Это не просто две страны, две империи – это две системы, два образа мысли и действия, и одна из них должна возобладать над другой.

Пятьсот лет назад Провидение послало французам, погрязшим в братоубийственной войне, деву-воительницу Жанну д'Арк, которая смогла их объединить под знаменем верности своему королю и ненависти к общему врагу – Англии. Двадцать лет назад, в разгар кровавой вакханалии, Франция обрела Наполеона Бонапарта, и только это помешало сплотившимся против нее хищникам, науськиваемым англичанами, взять ее за горло. Наполеон возродил Францию, напомнив ей о доблести, верности и долге; он увенчал себя короной сам, пусть и в присутствии римского папы: *посланник* Господа стал его *помазанником*; окруженный новым дворянством шпаги, французский император собирался окончательно сокрушить алчную нацию торгашей, забывшую об истинном благородстве. Французский гений, чьи быстрые и решительные приказы исполнялись бы молниеносно и беспрекословно, непременно взял бы верх над сборищем кичливых болтунов, превративших правительство в подобие биржи; непогрешимый муж и отец, подавая пример своим подданным, оздоровил бы нацию, избавив ее от подражания заморскому разврату, лицемерно прикрытому ширмой приличий. Жозеф, Луи, Жером, Мюрат, Эжен¹ должны были стать пальцами на деснице Наполеона, и что же?

Жозеф даровал Неаполю Конституцию и пытался подольститься к испанцам, учредил в Мадриде масонскую Великую ложу и заставил чиновников ежедневно присутствовать на мессе в своем дворце. Наполеон упразднил монашеские ордена – «король Хосе» разрешил монахам вернуться в свои монастыри. Он возвещал независимую и непобедимую Испанию, где кастильцы, арагонцы, баски и каталонцы подадут друг другу руки! Простак надеялся, что его полюбят за кротость и милосердие, но над ним лишь потешались. Доброта уместна с уже укрощенным зверем, а Испания превратилась в бешеного быка, раздраженного бандерильями. И все же Наполеон отказывал Жозефу во всех его просьбах об отставке: на королевском троне

¹ Жозеф (Иосиф) Бонапарт, старший брат Наполеона, сначала стал королем Неаполя и Обеих Сицилий, а с 1808 года – королем Испании вместо свергнутых Бурбонов. Луи (Людовик) Бонапарт четыре года пробыл королем Голландии, пока Наполеон не присоединил ее к Франции. Для брата Жерома (Иеронима) Наполеон специально создал королевство Вестфалия из нескольких немецких княжеств. Маршал Иоахим Мюрат – муж младшей сестры Наполеона Каролины, в 1808 году сменил Жозефа на неаполитанском троне. Эжен – Евгений де Богарне, сын первой жены Наполеона, вице-король Италии (королем был сам Наполеон).

должен сидеть только Бонапарт, скипетр – не маршальский жезл. Ах, если бы не злосчастное отступление из России! Император был вынужден вызвать в Париж маршала Сульта и множество генералов, оставив Жозефу Сюше (который один стоит их всех). Англичан хорошенько потрепали под Бургосом, возможно, они не скоро оправятся, а к тому времени Германская кампания уже будет окончена. Но если нет... Полководец из Жозефа, конечно же, никакой, его стихия – торговля и переговоры.

Иное дело Мюрат. На бранном поле это вихрь, огонь, ураган, но посадите его в кабинетное кресло – и он становится безмозглым трусом, неспособным принять простейшее решение. В одном мизинце Каролины больше энергии, чем во всей личности ее мужа. Но даже и он, кого Наполеон всегда считал своей правой рукой (с зажатой в ней саблей), Мюрат, боготворивший Бонапарта с тех пор, когда тот был еще капитаном, мгновенно переродился, заменив шляпу венцом. Вообразил, что он и в самом деле король! Посмел издать декрет, по которому все чиновники-иностранцы должны были принять неаполитанское подданство, как будто королевство Обеих Сицилий не являлось частью французской Империи! Наполеон отменил этот декрет, но Мюрат все равно раздал все министерские портфели итальянцам, оставив в правительстве только трех французов. Он тоже пытался снискать любовь своих подданных, как Луи: тратил деньги на строительство школ, дорог, мостов, потакал купцам и местным промышленникам... И с большой неохотой покинул «свое» королевство, когда Наполеон призвал его к себе, направляясь в Россию, но там, на полях сражений, стал прежним Мюратом... Пока Наполеон не сделал глупость, вверив остатки Великой армии его попечению перед отъездом в Париж.

Разумеется, императору донесли о том, что в Гумбиннене, уже за Неманом, неаполитанский король собрал всех маршалов на совет, чтобы отговорить их служить «безумцу». Если бы он, Мюрат, в свое время не отверг предложение англичан, то спокойно сидел бы сейчас на своем троне, как австрийский император или прусский король... «Они государи милостью Божией, их создало время и привычки народов! – резко оборвал его Даву. – А вы король только по милости Наполеона и созданы пролитой французской кровью! Вы можете оставаться королем только благодаря императору и оставаясь верным Франции!» Честно признаться, Наполеон раскаялся в том, что выставил Даву главным виновником неудач при отступлении от Смоленска; «железный маршал» стал бы куда более распорядительным главнокомандующим и смог бы организовать оборону... Ну да что теперь об этом.

Из-за крепких морозов реки покрылись льдом, превратившись в ровную дорогу, и казаков уже видели на Висле. Пройдя южнее Торна, русские смогли бы отрезать французов от Одера; нужно было действовать решительно и энергично, но вместо этого Мюрат прислал в Париж жалобное письмо о том, что разболелся, а потому слагает с себя командование Великой армией, передает его вице-королю, сам же выезжает в Неаполь. Туда, впрочем, он домчался за две недели – довольно резво для больного с лихорадкой и печеночными коликами.

Пожалуй, так было даже к лучшему: Эжен единственный из всех не отплатил Наполеону черной неблагодарностью. Отчим писал ему каждый день, ободряя и подсказывая. Невозможно, чтобы русские, которые оставили пятьдесят тысяч человек под Данцигом, десять тысяч под Торном и столько же под Модлином, тогда как с левого фланга им грозят князь Шварценберг и генерал Ренье, в Грауденце собирается прусский корпус, а в Галиции – сотысячная армия австрийского императора, предприняли серьезные действия посреди зимы, тем более что и они измучены прошлогодней кампанией. Главное – не поддаваться панике и дать им достойный отпор! Эжен должен удержать Позен. Слева от него, под Штеттином – пруссаки, в Глогау – саксонцы. Если удастся набрать хоть немного кавалерии, то неприятель не сможет выйти к Одера, Берлин и Дрезден будут в безопасности. И нужно любой ценой сохранить Варшаву. Тогда весной мы развернем генеральное наступление и отбросим врага обратно за Неман.

Поглощенный мыслями о летней кампании, Наполеон встал перед письменным столом, заложив правую руку за жилет, чтобы приветствовать графа Бубну, просившего об аудиенции. Справляясь о здоровье императора Франца и его супруги, отвечая на обычные учтивые слова, он составлял в уме инструкции для военного министра. Австрийский посланник произнес длинную фразу и замолчал, выпятив вперед упрямый подбородок. Что он сказал? Наполеон прокрутил в голове только что услышанное, уразумев, наконец, смысл прозвучавших слов. Князь Шварценберг, ввиду неотложных обстоятельств и суровых погодных условий, подписал в Зейче перемирие с генералом Милорадовичем! Австрия временно приостанавливает свое участие в войне, войска уходят в Галицию! Послезавтра русские будут в Варшаве!

Насупив черные брови, богемец выслушал потоки брани, дожидаясь, пока Наполеон перестанет топтать ногами и потрясать кулаком. Да, совершенно верно: армия Шварценберга считалась частью войск императора французов, но Австрия – самостоятельное и независимое государство, а не французский департамент, его величество должен думать в первую очередь о собственных подданных, и нежелание проливать их кровь понапрасну вполне объяснимо. Россия не вторглась в австрийские пределы, и, кстати, предложение о передышке исходило от нее.

Выпроводив графа, Наполеон внутренне бушевал какое-то время, а потом успокоился. Обстоятельства вновь изменились, но и это не катастрофа. Пусть Варшава временно пала – польские легионы Понятовского по-прежнему на стороне императора французов. А тестю он посулит Иллирию, если тот одумается. Надо сказать Луизе, чтоб написала отцу.

2

Смородиновые стены королевского замка кутались в туман, ноздреватый снег на откосах выглядел неопрятно. Бравурные звуки военной музыки не могли развеять уныния, сочившегося из давно не крашенных стен домов, прижавшихся друг к другу словно в испуге. Никто не сбегался толпами смотреть на прохождение войск, лишь бронзовый Сигизмунд III взирает на них со своего столпа, опустив руку с саблей и уцепившись другой рукой за крест, да несколько десятков зевак сбились в робкие кучки.

Ключи от Варшавы генералу Милорадовичу поднес тот же самый член городской управы, который девятнадцать лет назад подавал их фельдмаршалу Суворову; теперь он носил звание префекта. На сей раз русские вступили в город без боя, но «виват!» кричали только евреи. В душах поляков царил такое же ненастье, как в сером небе над покрытой рваным снежным саваном Вислой.

Неровный звон колокола из церкви Св. Антония долетал до Английской гостиницы на Вежбовой улице, сплетаясь с прочими шумами и звуками: стуком каретных колес, окриками возниц, тяжелой поступью на лестнице, заискивающим тенорком хозяина, тараторившего по-польски, которому властно отвечали басом на дурном французском языке, боем часов, шорохом передвигаемой мебели за стеной... Облокотившись о туалетный столик, князь Адам Ежи Чарторыйский смочил пальцы одеколоном и потер ими виски.

Ему слегка нездоровилось. То ли простудился дорóгой, то ли нервы опять разыгрались... Укутав его пледом и поставив жаровню под скамеечку для ног, слуга отправился в ресторацию за обедом.

Болотного цвета шторы на окнах были раздвинуты, но комната все равно тонула в полумраке. Чарторыйский обвел взглядом кровать с неубранной постелью, шкаф светлого дерева с одной-единственной дверцей, кокетливо изогнувший ножки стул с зеленой репсовой обивкой, копию Каналетто на стене, над полочкой с умывальным кувшином... Мебель была новой и казалась чужой в этих старых стенах: бывший дворец Потоцких всего десять лет как назывался Hôtel d'Angleterre. Гостиницы, постоялые дворы, наемные квартиры, меблированные комнаты – когда же, наконец, он сможет поселиться в собственном доме? И где будет этот дом?..

Говорят, именно в Английской гостинице на один вечер остановился Наполеон, когда бежал из России и явился в Варшаву инкогнито. Князь Адам тоже не хочет афишировать свое пребывание в столице. Здесь ему будет проще встречаться с Мостовским и Матушевичем – членами правительства Варшавского герцогства, которое де-факто прекратило свое существование. Как и Чарторыйский, они надеются на возрождение Польши под рукой императора Александра. Только она способна удержать сейчас хищные лапы Пруссии и Австрии. Корпус генерала Винцингероде уже в Плоцке, австрийские войска каждый день отступают перед ним на один переход; князь Понятовский уводит Вислинские легионы к Кракову...

Адам Ежи пристально посмотрел на себя в зеркало. Потухший взгляд, сухая кожа, морщины на лбу, седина на висках... Ему уже сорок три. Возраст разочарований.

Последние двадцать лет состояли из чередования пьянящих надежд и горького похмелья. Правда, с возрастом розовая дымка перестала застилать глаза, позволяя прозреть настоящее положение дел и вытекавшее из него будущее. От этого зрелища опускались руки. Однако *nil de nihilo fit*², как сказал Лукреций. Выбрав свой путь, надо идти по нему.

Выдвинув ящик стола, Чарторыйский достал оттуда распечатанное письмо Александра, развернул его и перечитал отчеркнутые строки.

«Успехи, которыми Провидение благословило мои усилия и настойчивость, несколько не изменили ни моих чувств, ни моих намерений в отношении Польши. Месть – чувство, мне незнакомое. Для меня наибольшее наслаждение – платить за зло добром. Моим генералам отданы строжайшие приказы поступать сообразно распоряжениям и обращаться с поляками дружески и по-братски». В самом деле, Варшава была освобождена от постоя, даже сам царь не остановился здесь, проехав дальше. Это, однако, было досадно, поскольку князь Адам желал лично встретиться с ним для обсуждения своего проекта, ведь живой разговор обладает куда большей силой воздействия, нежели письма.

«Буду говорить с Вами вполне откровенно. Чтобы осуществить мои любимые мечты относительно Польши, мне, несмотря на блеск теперешнего моего положения, предстоит победить некоторые затруднения, – продолжал Александр своим изящным французским слогом. – Прежде всего – общественное мнение в России. Образ поведения у нас польской армии, разграбление Смоленска и Москвы, опустошение всей страны воскресили прежнюю ненависть. Второе: разглашение в настоящую минуту моих намерений относительно Польши бросило бы Австрию и Пруссию всецело в объятия Франции – воспрепятствовать такому результату тем более важно, что державы сии уже выказывают наилучшее ко мне расположение. Сии затруднения, при благоразумии и осторожности, будут побеждены. Но чтобы достигнуть одного, надо, чтобы Вы и Ваши соотечественники мне содействовали. Помогите мне расположить русских к моим планам и оправдать мое, всем известное, особое расположение к полякам и ко всему, что касается их любимых идей».

Чарторыйский глубоко вздохнул и выдохнул через нос. Любому ясно, что в Польше возникнет не меньше «затруднений». В каждой семье есть сын, муж, брат, который погиб или без вести пропал в России, а может, томится в плену, терпя голод и холод; в своем отечестве их почитают как героев. От веры не отрекаются в одночасье, наоборот, за нее цепляются наперекор всему, даже здравому смыслу. «Любимые идеи» поляков – восстановить все как прежде, то есть когда Данциг был Гданьском, Лемберг – Львовом, а Божьей милостью и волей народа король польский являлся также великим князем литовским, русским, прусским, мазовецким, жемайтским, киевским, волынским, подольским, подляшским, инфлянтским, смоленским, северским, черниговским и прочее и прочее. Вернуть все это любой ценой – и Польша вновь станет могучей и непобедимой. Молодежи внушают мысли о былом величии, завоеванном пращурами, которое должно воссоздать доблестью и самопожертвованием, забы-

² Ничто не возникает из ничего (лат.).

вая упомянуть о причинах крушения всего этого великолепия. Хотя нет: виной всему алчные и вероломные соседи, которые коварно воспользовались временными «затруднениями». Поляки ставят себе в заслугу то, что ничуть не изменились, не понимая, что в этом их беда.

Дамоклов меч выбора сорвался с тонкой нити, разрубив на части целые семьи. Чарторыйский-старший до сих пор облачается по праздникам в мундир австрийского генерала, а брат Константин воевал с австрийцами в 1809-м. Правда, год спустя он познакомился в Вене со своей новой женой. Покинув ее с годовалым сыном, он отправился по стопам Сигизмунда III – брал Смоленск вместе с Великой армией, а потом вернулся домой залечивать раны, полученные под Можайском. Сестра Мария грезит о возрождении Польши и приветствует у себя некое тайное общество, а ее сын Адам Вюртембергский, кузен императора Александра по отцу, вступил в русскую военную службу. Мать, прежде молившаяся на Александра, после Аустерлица сделала своим кумиром Наполеона и до сих пор верит в него с чисто женским самоослеплением. Больше всего Адам Ежи жалеет о том, что не может теперь говорить с ней по душам. Мать никогда не отличалась терпеливостью и бросалась из крайности в крайность, лишь бы добиться желаемого как можно скорее, а приближение порога Вечности заставляет ее спешить еще больше: она, видевшая крушение Польши, хочет узреть ее возрождение, безрассудно срывая с дерева незрелые плоды... Князь вернулся к письму.

«Вы знаете, что я всегда отдавал предпочтение либеральным формам правления. Однако я должен предупредить Вас, и самым решительным образом, что мысль о моем брате Михаиле не может быть допущена». Посадить на восстановленный польский трон младшего брата царя тоже было идеей Чарторыйского... хотя он с самого начала знал, что Александр ее не одобрит. «Не забывайте, что Литва, Подолия и Волынь поныне считаются русскими провинциями, и никакая логика в мире не внушит России представления о том, чтобы они могли быть под каким-либо иным владычеством, нежели Государя Российского. Что же до того, под каким наименованием они будут входить в состав Империи, то сие затруднение устранить легче. Итак, я прошу Вас, чтобы Вы, со своей стороны, сообщили из этого письма то, что сочтете удобным, лицам, содействие коих признаете для себя необходимым. Чтобы нас не беспокоила мысль о неприятельском стане в нашем тылу, необходимо удалить оттуда все иностранные армии, оставив поменьше и польской. Убедите от моего имени членов конфедерации и правительства сидеть в Варшаве смирно, пообещав им, что им не придется в сем раскаиваться. Подъем в народе выше всяких похвал, и я решил продолжать войну не только всю зиму, но и до тех пор, пока не будет возможно заключить мир прочный и вообще такой, какой необходим для безопасности России и Европы».

Адам Ежи закрыл глаза и потер пальцами веки. Он устал – о, как он устал! Вечно ходить по яичной скорлупе, смирять себя, уговаривать других, сносить злобу, насмешки, презрение... Как долго еще ему хватит сил терпеть двойственность своего положения? Попечитель Виленского учебного округа, больше двух лет живущий за границей... Поляки считают его лукавцем, русские – змеей, пригретой на груди... *«Что же касается Вас лично, я, не откладывая, выполнил бы Ваше желание получить отставку, но меня удерживают два соображения: одно из них – чтобы в глазах народных масс, которые, конечно, невозможно посвятить в суть дела, это не показалось признаком изменения моих взглядов на Польшу; второе – как бы, освободившись от сношений со мной, не приняли Вы самостоятельных решений, способных произвести самое дурное впечатление в России и лишить Вас возможности оказать бесконечно полезное содействие в успешном проведении моих планов относительно Вашего отечества».*

Планы, планы! Об этих планах они говорят уже пятнадцать лет, но к их осуществлению вечно возникают препятствия. Чем Чарторыйский сможет поручиться министрам, что их не манят очередным миражом? *«Более всего неразрывные узы между поляками и мною укрепило бы заключение, после занятия страны, союзного договора между мною и правительством герцогства. С того времени я считал бы себя вправе взять на себя от имени Российской империи*

священное обязательство не складывать оружия до тех пор, пока надежды поляков не осуществятся, ибо поляки доказали бы перед Россией и Европой, что они мне всецело доверяют, а на мою честность никто никогда не полагался напрасно».

Хлопнула дверь прихожей – это вернулся слуга. Князь Адам убрал письмо обратно в ящик. После обеда он снимет с этой бумаги несколько копий, опустив выражения дружеских чувств и все то, что не относится непосредственно к политике, и передаст Матушевичу для Мостовского, Соболевского и Замойского.

3

*– В воззваниях своих тогда я возглашал:
«Солдаты храбрые! Се ныне час настал
С Россией воевать за Польшу нам вторично!»*

Произнося эту фразу, актер в нелепой «маленькой шляпе» горделиво выпрямился и выставил одну ногу вперед, заложив правую руку за отворот серого редингота с полуоторванным рукавом и пятнами сажи.

– Не стыдно ль, государь! Вам лгать так неприлично!

— возразил ему на это другой актер – с бородой из мочала и завернутый в простыню, изображавшую тогу.

– Была ль у вас война за Польшу в первый раз?

– Так что ж, что не было? Кто б смел оспорить нас?

— резко обернулся к нему первый.

*– На что нам правдой жить? Полезней лицемерить!
Успели поляков удачно в том уверить,
Что мы пришли сюда им вольность водворить,
А без того себя за нас до смерти бить
Они бы не дали.*

Ужимки и гримасы актера, игравшего Наполеона, возбуждали смешки. На последних словах своей реплики он присел, разведя руки в стороны. Битком набитый зал Ревельского театра грохнул хохотом. Напротив, «бог реки Неман» (ходивший в оленьих сапогах и носивший «тогу» поверх рубашки и панталон, потому что по сцене гуляли сквозняки) держался скованно и выговаривал свой текст довольно механически. Своими вопросами к тому, кто

*Фортуной к небесам
Казался вознесен, кто столько бед содетель,
Всем зло творил, терзал святую добродетель,
В безумии своем Творца не признавал
И миром обладать столь дерзко возмечтал, —*

Кронон, заградивший беглецу путь в Париж, заставлял разбитого героя признаваться в своих поражениях.

– *Мы русских обмануть, как прочих, не успели,*

– сокрушался Наполеон, комично натягивая себе шляпу на уши.

*Тебе известно, как слепим глаза мы всем,
Чтобы охотнее тянули нам ярем.
Куда мы ни придем, везде всем разглашаем:
Блаженство, вольность, рай и все вдруг обещаем;
Тем глупые польстятся, толпами к нам бегут
И сами на себя бич в руки нам дают.
Напротив, русские срамят нас, презирают,
К отечеству любовь так верно исполняют,
Что ни угрозы их, ни казни не страшат.*

Из ложи градоначальника донеслись громкие хлопки, и тотчас же весь зал разразился аплодисментами.

На сцену, представлявшую берег реки, один за другим вышли четыре перевозчика, одетые эстляндскими крестьянами. Наполеон бросался от одного к другому, умоляя перевезти его на тот берег, но один припомнил ему гибель своих родных на войне, другой – разорение своего села, третий – реквизиции, а четвертый, хотя сам и не пострадал, отказался везти его, чтобы не прослыть изменником. Наконец, публика приветствовала дружным смехом «еврея» в малахае, лапсердаке и белых чулках, который, коверкая немецкие слова и утрируя акцент, согласился перевезти Наполеона в своей лодке за мзду, но на гневные слова бога Немана ответил громким шепотом, что собирается свалить врага человечества в воду на середине реки.

Все трое удалились, провожаемые рукоплесканиями. Из левой кулисы вышел отряд «российских воинов», из правой, навстречу ему – толпа «русских женщин и девиц». Декламация стихов сменилась плясками под хоровое пение. На торжественной ноте («Нам Александр по Боге первый») занавес опустился, обдав пылью сидевших в первом ряду. Бешено аплодировавшая публика несколько раз вызывала на поклон «Наполеона», каждое появление которого встречали неистовым шумом и топотом. Отпустив, наконец, актера, зрители повалили к выходу.

– Господин Кошкуль!

Петер удивленно обернулся на голос, окликнувший его по-русски. Полное широкоскулое лицо улыбавшегося ему человека показалось смутно знакомым.

– Вы не узнаете меня? Я Бутенев!

Штабс-ротмистр припомнил: да-да, в самом деле, их познакомили в Петербурге на вечере у графа Салтыкова. Это был какой-то мелкий чиновник из министерства иностранных дел. Лакей подал ему енотовую шубу, Кошкулю набросили на плечи шинель. Оба вышли на улицу Лай и направились в Акционклуб – «выпить по чарочке за встречу», как выразился петербуржец.

Купцы и помещики только начинали съезжаться на контракты, поэтому в клубе было не слишком многолюдно. Знакомцы сели за столик в дальнем углу против двери, Кошкуль спросил себе ужин, а его спутник ограничился бутылкой рейнвейна и колбасой. Его словоохотливость вызвала бы раздражение, если бы не искреннее добродушие, написанное на его физиономии. Он сообщил, что находится в отпуску и воспользовался этим, чтобы навестить сестру, которая после выхода из Смольного института живет в Ревеле у родственников. Замечатель-

ный городок: везде чистота, много хорошеньких женщин, даже и среди простых, а уж дворянки почти сплошь красавицы, образованные, с хорошими манерами и, несмотря на скромные денежные средства, одеваются часто с большим вкусом, чем петербургские дамы и девицы. Сама немецкая речь из этих милых уст звучит музыкой! Впрочем, они и по-французски говорят очень хорошо, даром что не имели учителей-французов. Кроме того, в провинции удивительно умеют веселиться: каждый день где-нибудь балы, концерты, да и театр весьма недурен. Вот эта вещица, которую они только что смотрели, «Der Flussgott Niemen und noch jemand»³, наверняка не замедлит очутиться на столичной сцене: остро, забавно и патриотично. Кошкуль пожал плечами: он не большой поклонник творчества господина Коцебу.

– Ну конечно! – весело рассмеялся его сотрапезник. – Вы же ученик господина Клингера! Сочинители всегда ревниво относятся к чужим успехам. Вот Дмитрий Петрович Горчаков, например, известный наш поэт... знаете, как он отзывался о пьесах здешнего Аристофана? «Коцебятина»!

Он вновь залился звонким смехом – таким заразительным, что и серьезный Кошкуль улыбнулся. Хотя при упоминании имени Клингера у всех выпускников Первого кадетского корпуса невольно дергалась щека: Федор Иванович больше славился своим пристрастием к розгам, чем соперничеством с Гете. Чтобы увести разговор в сторону от литературы и театра, в которых Петер не слишком хорошо разбирался, он напомнил о том, что сын Клингера Александр, всего год как выпущенный из Пажеского корпуса, не так давно скончался: был ранен осколком в колено при Бородино, как генерал Багратион, и умер после ампутации от гангрены. Лицо чиновника омрачилось.

– Да-да-да, бедный отец! – сочувственно сказал он. – А у господина Коцебу, говорят, один из сыновей в плену у французов.

Кошкуль это подтвердил: штабс-капитан Мориц фон Коцебу, служивший по квартирмейстерской части, прошлым летом находился при покойном генерал-майоре Кульневе и был захвачен в плен во время рекогносцировки.

– Тем похвальнее рвение его отца, который заставляет свой талант служить своему приемному отечеству и общему делу, – посерьезнел чиновник. – Я, знаете ли, читал и Шиллера, и Гете... Благородные страсти, идеалы – все это хорошо... но и опасно своею увлекательною силой. А сочинения господина Коцебу не отрывают от земли, не уносят за облака. Оттого и интерес, оттого и популярность, что все знакомо и узнаваемо! Вы же видели, Петр Иванович, как принимала публика его комедию! Какое воодушевление, какой порыв верноподданнических чувств! Это ведь не выдумки какие-нибудь, все так и было! Вот бы еще в Германии ее показать, тогда Наполеону совсем скоро придет конец. Как говорят французы, *le ridicule tue*⁴.

– Они очень верно это говорят, – не выдержал Петер, – но смех фатален только в том случае, если избранный его мишенью сам совершит нечто достойное осмеяния.

Он говорил по-русски правильно и книжно. В свое время, когда его восьмилетним привезли из Митавы в Гатчину, цесаревич Павел Петрович лично поручил исполнительному Аракчееву обучить русскому языку подпрапорщика Петра Кошкуля.

– Что же смешного совершил Бонапарт? – Петер смотрел прямо в глаза своему собеседнику. (Какое замысловатое у него имя... Аполлинарий. А отчество? А, бог с ним.) – Поработил половину Европы? Сжег Москву? Погубил тысячи людей, которых увел за тридевять земель от родного дома? Все это гнусно, чудовищно, жестоко, но не смешно. И можно вырядить сколько угодно шутов в его серый редингот и шляпу, заставив их кривляться, – Бонапарт не станет от этого менее грозным.

³ «Бог реки Неман и еще кое-кто» (*нем.*), в русском переводе – «Бог реки Немана и Наполеон».

⁴ Смешное убивает (*франц.*).

Он хотел добавить, что многие из курляндцев, которые сегодня так шумно рукоплескали, выражая свой патриотизм и преданность императору Александру, вообще очутились в театре, а не где-нибудь в сибирской ссылке лишь потому, что Высочайший Манифест об изгнании неприятеля из России даровал прощение «вероломно покорившимся пришельцу», но вовремя остановился. Он и так наговорил много лишнего, чересчур разоткровенничавшись с малознакомым человеком. Dummkopf! Даже голова разболелась – напомнила о себе старая рана, полученная при Фридланде.

Русский смотрел на него серьезным, понимающим взглядом.

– Пожалуй, вы правы... Признаюсь вам по секрету, – он понизил голос, – в молодых годах, еще не окончив учения, я разделял всеобщее тогда среди моих ровесников увлечение Бонапартом, который был в то время генералом. Помнится, ничего я так не желал, как иметь его маленький портрет! Но все это быстро прошло, разумеется, как только он явил свое истинное лицо. К тому же я никогда не имел склонности к военной службе.

Они расстались у дверей Акционклуба. Кошкуль поблагодарил за приглашение посетить своего нового знакомого, однако вежливо отклонил его: он послан в Курляндию ремонтером как местный уроженец, у него много дел по службе, а как только он их исполнит, нужно будет срочно нагонять свой полк. Чиновник пожелал ему успехов и выразил надежду, что поход победоносной российской армии вскоре завершится заключением долгожданного мира. Каждый пошел своей дорогой.

4

Было уже довольно поздно, когда почтовая карета прибыла в Суассон, однако Мориц сразу отправился к коменданту. Капитан де Класи вскоре спустился вниз, на ходу застегивая мундир, держал себя довольно любезно, взял со штабс-капитана Коцебу письменную присягу в том, что он не отлучится от города далее чем на полмили, и сообщил, что ему полагается безденежно квартира на три дня, а после придется нанимать ее за свои деньги. Кстати, есть ли они у него? Содержание пленным выплачивают в конце месяца. Мориц ответил, что есть.

Он с тоской предчувствовал беспокойную ночь скитаний по городу в поисках свободной квартиры, ругань между разбуженными хозяевами и продрогшими жандармами, которые непременно сорвут злость на нем, но судьба улыбнулась штабс-капитану, послав навстречу майора Свечина – давнего знакомого, захваченного в плен при Полоцке. Михаил Петрович привел его к себе (он квартировал у брадобрея Анри), где, к своей великой радости, Коцебу нашел и своего друга Гюне.

Рассказы Морица о Париже, откуда он только что приехал, звучали как сказка, товарищи слушали с жадным вниманием. Бульвары с беззаботно гуляющей публикой, набитый шедеврами музей Наполеона, театры (пусть там и шли глупые пьесы в исполнении бездарных актеров), игорные дома (где кучки золота то и дело меняли владельцев под неотрывными безумными взглядами), кафе «Тысяча колонн» в Пале-Рояле (там дюжина колонн из ложного мрамора многократно отражалась в зеркалах)... В этом кафе Коцебу случайно встретил донского казака, тоже попавшего в плен и находившегося в услужении у французского генерала; на него таращились, как на диковинку, и поили бесплатно. Какая разница с Суассоном! В этом затхлом городишке с шестью тысячами жителей холодно, голодно и нестерпимо скучно. На балах вся музыка состоит из двух скрипок и барабана, танцуют только одну кадрили, больше похожую на балет; один из музыкантов громко объявляет фигуры, но во всем городе их знает только одна пара, прочие же просто прыгают – вероятно, чтобы согреться. Пианино в Суассоне – большая редкость, и девицы, даже из хороших семей, не обучены на нем играть. То ли дело в России, где любая помещичья дочка непременно выучится если не музицировать, так хотя бы брэнчать и петь из какой-нибудь оперы – все развлечение! А тут молодежь садится подле

камина играть в курилку, точно малые дети: передают из рук в руки тлеющую лучину, приговаривая: «*Mon petit bonhomme vit encore*»⁵, – и у кого погаснет, тому назначают сделать какую-нибудь глупость. А то еще вздумают рыцарствовать – сев в кружок, говорить комплименты дамам, рассказывать истории, да только и этого нынче уже не умеют. Старых французов слушать приятно, но молодых – горе...

На другое утро на квартиру к Свечину пришли другие товарищи по несчастью, и Коцебу раздал им деньги, присланные великой княгиней Екатериной Павловной, чему они несказанно обрадовались. В Суассоне держали больше двух с половиной сотен пленных, из которых около шестидесяти оказались помещиками или штатскими чиновниками. Как и почему они попали в плен, осталось загадкой, но жить им приходилось по большей части на собственные деньги, а те скоро вышли. Генералу выплачивали содержание в сто пятьдесят франков в месяц, полковнику – в сто, это было еще прилично, а вот поручику или прапорщику приходилось как-то выкручиваться на двадцать девять франков, завидуя унтер-офицерам и нижним чинам, которые жили в казарме и получали хлеб и мясо. Впрочем, и местные обыватели не роскошествовали. Званные обеды здесь устраивали только самые богатые люди и при чрезвычайных семейных случаях вроде свадьбы или крестин. Генерал-майора Тучкова, полковников Кутузова, Трефурта и фон Менгдена (самых видных из русских пленных) раз пригласили на вечер к префекту, разослав им печатные билеты. Привыкшие к русским обычаям, те решили сэкономить на обеде, надеясь на хорошее угощение, но воротились домой с пустыми желудками, да еще и иззябнув до костей: у камина тепло только лицу, а спина леденеет, в комнате же так холодно, что в углу замерзает вода в кадке!

Мориц быстро понял, каким счастьем было оказаться у Свечина. Получая семьдесят пять франков в месяц, майор мог позволить себе дрова, и у него с утра до ночи сидели знакомые, чтобы не возвращаться в свой «ледник» с тонкими стенами и холодным глинобитным полом, в котором вытоптали такие ямы, что можно запросто сломать себе ногу. Дрова стоили безумно дорого, в камин только задувал ветер... Из солидарности Свечин с Коцебу иногда ходили к другим товарищам и зябли вместе с ними, чтобы те не думали, будто их избегают. Пленные набивались в одну комнату по двадцать – тридцать человек, заткнув щели в дверях и окнах, и надеялись согреть воздух своим дыханием, однако надежды эти оправдывались не вполне. Одежда у всех давно износилась, многие ходили с продранными локтями, а то и без сапог... Местные жители никакого сочувствия к ним не проявляли, ни один пекарь не давал хлеба в долг даже за поручительство коменданта, и беднякам приходилось выпрашивать хлеб у своих товарищей или вовсе жить подаяннем.

Недели через три Коцебу снова вызвали к капитану де Класи, у которого он застал еще нескольких офицеров, говоривших по-французски. Комендант выглядел озабоченным: несколько русских умерли с голоду, и он хотел бы посоветоваться с господами офицерами, чтобы избежать подобных инцидентов впредь.

Как выяснилось, один винодел пускал к себе пленных погреться, за что брал по франку с носа в месяц, а заодно сбывал им в долг свое дурное вино, уговорившись с комендантом, что плату вычтут из их содержания. Кислятина – не кислятина, а пили без удержу, в итоге многим не осталось денег даже на хлеб; они исхудали, обратившись в тени, да так и истаяли. С трудом сдерживая гнев на французских лавочников, корыстовавшихся чужой бедой, Мориц предложил издать распоряжение о том, чтобы из денежного довольствия военнопленных вычитали долги только пекарю и мяснику. Прочие поддержали его; комендант так и сделал.

Штабс-капитану Коцебу полагалось пятьдесят франков в месяц. Пользуясь гостеприимством Свечина, он, как и майор, брал обед из трактира, однако, приценившись к местной жизни, решил, что это расточительство. К тому же его тяготило положение приживальщика.

⁵ Здесь: «Жив, жив курилка» (франц.).

Он стал подыскивать себе квартиру со столом и в феврале переехал к другому парикмахеру, по имени Шозле. Все свое жалованье он теперь должен был отдавать словоохотливой хозяйке, которая обещала ему взамен домашние завтрак, обед и ужин, теплую комнату и постель с простынями, которые она будет переменять каждые четыре недели.

Двухэтажный дом под крашеной деревянной крышей имел всего три окна, выходивших на улицу. В нижнем этаже находились цирюльня и кухня, во втором – хозяйская спальня и комнатка, обитая пестрыми обоями, с колченогим столом, соломенным стулом и широкой кроватью без подушки – ее и отвели Морицу. Отсутствие подушки было досадно, привычка обходиться без нее – непонятна: по ночам Морица часто будил храп хозяев, который он приписывал именно низкому положению головы. Положительной стороной было тепло и отсутствие насекомых. Коцебу не привередничал: ему доводилось спать и в гамаке, и на голой земле. Зато все его представления об утонченной французской кухне, полученные благодаря обедам у московских лукуллов, разбились вдребезги о большой горшок, который целое утро стоял на огне, распространяя вокруг густой тяжелый запах. Мадам Шозле крошила туда целый кочан капусты, две луковицы, репу, петрушку и еще какую-то зелень, говядины же был всего фунт. К часу дня она выкладывала разваренные овощи с мясом на блюдо, а в жижу бросала куски черствого белого хлеба – «*La soupe est trempée!*»⁶. Заслышав ее пронзительный голос, голодный Мориц опрометью выскакивал на деревянную лестницу, которая сотрясалась от его прыжков. «*Ah, le voilà, notre oiseau de plomb!*»⁷ – заливалась смехом хозяйка. Хозяин приходил из своей цирюльни, двух подмастерьев тоже сажали с собой за стол, и это соседство было неприятно штабс-капитану: они брали куски руками, шумно жевали и пили бульон через край миски. Обед становился для Морица испытанием, к тому же он никогда не наедался досыта. Даже в море, когда нужно было обходиться своими запасами и капитан устанавливал строгие пайки, щи варили из расчета по фунту говядины на человека в день, а кашу на ужин сдабривали маслом... Эх, раздобыть бы хоть пару картофелин!

После холода и голода труднее всего было сносить праздность. Мориц не привык сидеть без дела. Учеба в кадетском корпусе оставляла мало досуга; в четырнадцать лет он вместе со старшим братом отправился в кругосветное плавание на шлюпе «Надежда» – восьмичасовую вахту приходилось стоять даже в самую скверную погоду, да и на зимовке всегда находилась работа. Отец специально выхлопотал у государя разрешение взять их на корабль юнгами, благо капитаном был Иоганн фон Крузенштерн – двоюродный брат мачехи. Отто был счастлив, а Мориц не разделял его воодушевления, опасаясь не вернуться живым... На пути домой, обогнув мыс Доброй Надежды, они подошли к острову Святой Елены; оттуда лейтенант Левенштерн привез известие о войне с Францией... За Фридланд Мориц получил «владимира» 4-й степени с бантом. Залечил рану, отправился снимать планы Эстляндской губернии, потом колесил по России, исправляя подробную карту империи, стал поручиком, тут началась новая война, квартирмейстерские хлопоты, рисование карт... В Суассоне же было совершенно нечем заняться, даже книг не найти! Местные крестьяне не знали грамоты; среди мещан девица, умевшая читать и писать, считалась великолепно образованной. Из кофеен доносился гвалт, щелканье бильярдных шаров и выкрики картежников. Мориц не любил там бывать, его раздражали громкие разговоры на местном наречии, которого он не понимал, запах дурного пива, табака и немытого тела, грубость в словах и поступках, даже стук деревянных башмаков о кирпичный пол. И это Франция – страна великой культуры! Да здесь, должно быть, никто и не слышал о Вольтере или Дидро, а ведь Париж всего за сотню верст отсюда!

Завтрак состоял из хлеба с сыром и политических новостей, которые Шозле, бривший почтмейстера, узнавал одним из первых и громко возвещал на всю улицу. А в середине февраля

⁶ Здесь: «Тюря готова!» (*франц.*) Под словом «суп» раньше подразумевали хлеб, вымоченный в бульоне.

⁷ «А, вот и наша свинцовая птичка!» (*франц.*)

на рыночной площади и у здания префектуры развесили отпечатанную речь императора на открытии Законодательного корпуса. Грамотные читали ее остальным:

«Война, снова вспыхнувшая на севере Европы, оказалась на руку англичанам, однако надежды их не оправдались. Их армия потерпела неудачу перед крепостью Бургос и, понеся большие потери, была вынуждена уйти из Испании.

Я сам вступил в Россию. Французские войска неизменно одерживали победы на полях под Островно, Полоцком, Могилевом, Смоленском, Москвой, Малоярославцем. Нигде русская армия не могла выстоять против наших орлов; *Москва оказалась в нашей власти.*

Когда границы России были порушены и войска ее показали свое бессилие, туча татар обратила свои отцеубийственные руки на прекраснейшие провинции сей обширной империи, которую их призвали защищать. В несколько недель, несмотря на слезы и отчаяние несчастных москвитов, они сожгли больше четырех тысяч лучших своих селений, более пятидесяти красивейших своих городов, утолив таким образом свою давнюю ненависть, и, якобы для сдерживания нашего продвижения, окружили нас пустыней. *Мы превозмогли все эти препятствия!* Даже пожар Москвы, где они за четыре дня уничтожили плоды трудов и сбережения четырех поколений, не изменил цветущего состояния моих дел. Но чрезмерная и преждевременная суровость зимы обрушила на мою армию ужасные бедствия. *В несколько ночей все изменилось на моих глазах.* Я понес большие потери. Они сломили бы мой дух, если бы, при сих великих обстоятельствах, я проникся иными чувствами, кроме интересов, славы и будущности моего народа.

При виде довлеющих над нами бед Англия возликовала, ее надеждам не было границ. Она предлагала прекраснейшие наши провинции в награду за измену. Она ставила условием мира растерзание сей прекрасной Империи – иными словами, провозглашала *вечную войну*. Решимость моих подданных, проявленная ими преданность Империи развеяли все химеры и заставили наших врагов вернее судить о вещах.

Несчастья, вызванные суровым климатом, показали вполне величие и крепость сей Империи, основанной на трудах и любви пятидесяти миллионов граждан и на территориальных ресурсах прекраснейших стран мира. С живейшим удовлетворением мы видели, как народы Италии, бывшей Голландии и присоединенных департаментов соперничали с коренными французами, понимая, что для них надежда, будущность и благо – в укреплении и торжестве великой Империи.

Агенты Англии разжигают среди наших соседей стремление бунтовать против своих государей. Англия желала бы видеть весь континент объятый гражданской войной, добычею яростной анархии, но само Провидение назначило ей стать первой жертвой анархии и гражданской войны.

В Испании царит и будет царить французская династия. Я доволен поведением всех моих союзников. Я не покину ни одного из них, я сохраню целостность их государств. Русские вернутся в свой ужасный климат.

Я желаю мира, он необходим всему свету, но я заключу лишь почетный мир в интересах и ради величия моей Империи. В моей политике нет никакой тайны, я дал понять, на какие жертвы могу пойти. Покуда будет продолжаться война на море, мои подданные должны быть готовы к жертвам всякого рода, ибо дурной мир погубит все вплоть до надежды.

Америка взялась за оружие, чтобы заставить уважать свой флаг; весь мир молится о ее успехе в сей славной войне. Если она принудит своих врагов на континенте признать принцип, по которому флаг покрывает товар и экипаж, потомки скажут, что Старый Свет утратил свои права, а Новый завоевал их.

Министр внутренних дел сообщит вам в своем докладе о положении в Империи, о небывалом процветании земледелия, мануфактур и внутренней торговли, а также о постоянном приросте населения. Мне необходимы большие ресурсы, чтобы нести расходы, коих требуют

обстоятельства, но благодаря различным мерам, которые вам предложит министр финансов, я не отягощу своих подданных никаким новым налогом».

«Неужели они всему этому верят?» – думал Мориц, исподволь наблюдая за горожанами, разбавившими мелкие строчки. Пусть они, не бывавшие дальше Компьенья и Лана, не имеют никакого понятия о том, что творится в Испании, России и тем более в Америке (хотя должны же были родственники, служившие в армии, сообщать им, как обстоят дела), но дома, во Франции? Процветание, верность Империи, прирост населения? Крестьяне могут позволить себе мясо от силы раз в неделю и ходят в какой-то мешковине вместо сукна – вот вам небывалые успехи земледелия и мануфактур. И неужели никто из жителей этого города не погиб в беспрестанных походах, оставивших жен без мужей, невест без женихов?..

Потолковав друг с другом, читавшие бумагу решили, что по весне надо ждать нового рекрутского набора. Черт бы побрал этих англичан, когда же они угомонятся-то!

5

Солдату приказали читать громко и четко, чтобы все слышали. Ему было не по себе, несколько раз он останавливался и оборачивался, но, видя невозмутимое лицо генерала, читал дальше. По-польски Рапп понимал только отдельные слова, но тут и понимать было нечего: все прокламации русских составлены на один манер – что к баварцам, что к вестфальцам, что к полякам, что к городскому совету Данцига и простым обывателям. В них очерняли императора, выставляя его вероломным честолюбцем и бессовестным тираном, выражали сочувствие к его жертвам, которых он запугал или оболванил, призывали их подумать о своих семьях, обещали жизнь и неприкосновенность имущества, если они изменят присяге и откроют ворота. Солдаты сами приносили офицерам эти творения русского гения; генерал Рапп приказал зачитывать их перед строем. Скрывать и запрещать значило бы дать понять, что в этой писанине – правда, которой он боится. Он не боится. Он доверяет своим людям и рассчитывает на них.

Чтение закончилось в полнейшем молчании. Подумав, солдат разорвал бумагу на клочки и встал в строй. Его товарищи одобрительно зашумели. Рапп поднял руку, показывая, что хочет говорить; ропот смолк.

– Неприятель грозит нам штурмом, верно? – спросил он. – Не зря же они заказали столько лестниц в Вердере! Но лестниц для штурма мало: нужно иметь храбрость, чтобы подняться по ним, а этого не купишь ни за какие деньги.

Подождав, пока стихнет смех и задорные выкрики, он продолжил:

– Император собирает армию, чтобы прийти к нам на выручку. Ему нужно для этого время, и это время мы можем выиграть для него, если останемся на своем посту. Император не позабыл о вас, он верит в вас. Они же пытаются отнять у вас главное: надежду и веру. Они обещают вам жизнь, но лишь в обмен на честь. Они не верят, что смогут одолеть вас в честном бою. Они не надеются победить императора и Великую армию. Они не имеют понятия о чести, раз предлагают вам позорный путь измены, дезертирства и мятежа!

– *Vive l'empereur!*⁸ – выкрикнул кто-то.

Возглас тотчас подхватили, повторив его трижды. Генерал проехал шагом перед строем поляков, держа шляпу в поднятой правой руке. Его сердце обливалось кровью при виде своих солдат: отмороженные носы и уши, закутанные тряпками головы, звериные шкуры поверх мундиров, превратившихся в лохмотья... Некоторые даже опирались на костыль. Но это были воины! Нет, русским ничего не добиться своими прокламациями, не посеять в этих закаленных душах семена раздора и коварства! Рапп пустил коня вскачь, отправляясь на ежедневный обход.

⁸ Да здравствует император! (*франц.*)

Сама природа приложила все усилия, чтобы сделать Данциг неприступной крепостью: с севера его заслоняет Висла, с юго-запада – цепь крутых холмов, с других сторон – две небольшие речки. Еще до начала несчастного похода в Россию Наполеон приказал строить предмостные укрепления, форты, лагеря выше по течению Вислы, однако все это было лишь намечено, начато, не доведено до конца. Явившись сюда в декабре, Рапп нашел здесь одни руины, засыпанные снегом; замерзшие реки из преграды превратились в подъездные пути. Гарнизон состоял из скопища оборванцев всех наций: французы, немцы, поляки, голландцы, итальянцы, испанцы, даже африканцы – негры с Антильских островов, прежде служившие в пионерных ротах 7-го линейного полка из Неаполя. Этакий топляк, выброшенный на берег, – большинство из них занесло в Данциг отливом отступавшей армии, а сил идти дальше уже не осталось. Магазины стояли пустые: ни хлеба, ни солонины, ни овощей, ни водки, ни лекарств для раненых – чем кормить и лечить всю эту ораву? Больных, способных ковылять по дороге, Рапп отправил на запад; в крепости осталось тридцать пять тысяч человек, из которых держать оружие могли тысяч восемь – десять, по большей части недавние рекруты, не успевшие хлебнуть лиха, но и не набравшиеся опыта. Однако генерал верил, что навыки постепенно придут, был бы хороший пример и внутренний стержень, который гнется, не ломаясь.

В трескучий мороз солдаты без жалоб и ропота рубили топорами лед и толкали льдины шестью к морю, пробив таким образом в Висле длиннющий канал больше двадцати аршин в ширину. Он снова покрылся льдом всего за одну ночь. Пришлось начинать все сначала. Наученный горьким опытом, Рапп приказал, чтобы ночью по каналу взад-вперед курсировали лодки, не давая воде замерзнуть, но и это не помогло. Однако люди оказались упорнее природы: лед кололи сутками напролет и победили. В это время другие отряды отогревали кострами промерзшую землю, от которой отскакивали ломы и лопаты, чтобы делать засеки, строить редуты, копать траншеи, насыпать брустверы.

Теснота и дурная пища привели с собой лихорадку, каждый день хватавшую новых жертв своими липкими горячими пальцами. В начале января умирало по полсотни человек в день, к концу февраля – до ста тридцати, не меньше пятнадцати тысяч горели в жару в переполненных больницах, среди вони от рвоты и испражнений. Русские знали об этих тяжелых обстоятельствах – заслали же они в город своего шпиона под видом итальянского патриота! – но почему-то не воспользовались ими, тратя время на жалкие интриги. Впрочем, среди осаждавших преобладали казаки, башкиры и прочее отребье – не такие войска штурмуют города.

Две недели назад полковник Хееринг, стоявший со своим отрядом в Штольценберге, поддался на их дразнящие маневры, совершенно зря спустился на равнину, напав на казаков с безрассудной отвагой, и потерял две с половиной сотни людей убитыми, когда его заперли в узком дефиле. Возгордившись, неприятель выступил несколькими колоннами к Лангфуру и сумел захватить этот поселок; тридцать его защитников, оставшиеся в живых, сдались в плен, расстреляв все боеприпасы; земля возле дома, из которого они отстреливались, была завалена трупами. Рапп тотчас приказал отбить важную позицию, и генерал Гранжан с четырьмя орудиями и восемью батальонами обратил русских в бегство, отразив их контратаки кавалерией. Ночью на Лангфур налетели кучи казаков, чтобы застигнуть врасплох неаполитанцев, которые сменили французов; за казаками шла пехота, но батальон поляков, вскочив по тревоге, примчался бегом и ударил в штыки... С тех пор солдаты на аванпостах постоянно были под ружьем, наблюдая за движениями неприятеля.

...Выстрелы прозвучали громче, чем обычно, – видно, из-за оттепели, сделавшей воздух влажным. Атака на аванпосты! Рапп разослал ординарцев с приказами; генерал Гранжан уже скакал к нему сам, они оба устремились к Лангфуру. Впереди трещали невидимые барабаны – французский пехотный батальон шел на русских в штыки. Генералы подоспели к победным крикам: три неаполитанских вольтижера рубили построики убитых лошадей, впряженных в

полевые орудия, но в этот момент неприятель навалился с новой силой, добычу пришлось бросить.

Со стороны Альт-Шотланда доносились яростные крики, стрельба, сабельный звон, женский визг – жители бежали под защиту города, унося с собой детей и жалкие пожитки, генерал Франчески медленно отступал, сдерживая натиск врага, полковник Бутлер со своими баварцами спешил к нему на помощь, вот враги уже сошлись в штыковой атаке... Рапп вовремя отвернулся, чтобы заметить колонну русских, наступавшую на Штольценберг, где оборонялся батальон капитана Клемана. Ему долго не продержаться... Ординарец поскакал к 6-му Неаполитанскому полку с приказом занять соседнюю высоту, чтобы предупредить фланговое движение неприятеля. Пару секунд полюбовавшись тем, как генерал Пепе ведет неаполитанцев в атаку шагом, Рапп повернул коня и поскакал обратно к крепости.

Ленивое зимнее солнце уже спускалось к земле, не достигнув зенита, зато генерал Башелю во главе четырех батальонов упорно карабкался на высоты справа от Шидлица. Едва переведя дух, его солдаты обрушились на русских, которые засели в домах поселка и отстреливались из окон, бросив пушку. Пока Башелю отвлекал внимание, Рапп лично возглавил атаку на Альт-Шотланд, а Гранжан с батареей легкой артиллерии картечью выбил неприятеля из Оры, придав ему резвости штыками.

Сражение завершилось. Едва волоча ноги от усталости, солдаты бродили по местам боев, подбирая раненых и раздевая убитых. Навстречу Раппу ковыляли два поляка, один поддерживал другого, у которого вместо правой руки осталась культя, замотанная тряпкой. Лицо раненого было бледно даже под разводами грязи, но генерал узнал его: это он читал утром прокламацию перед строем, а потом порвал ее...

Как ни жаль, но старый монастырь капуцинов придется снести, думал Рапп. И каменные дома в Альт-Шотланде тоже: каждый такой дом, захваченный стрелками, превращается в форт; солдат слишком мало, чтобы жертвовать ими без оглядки. Конечно, жители будут роптать, они и так разорены войной, но сжечь несколько селений – единственный способ лишить врага укрытий и не пустить его в Данциг. За семь неполных лет генерал-губернатор прикипел душой к этому городу-республике. В нем видят защитника, на него смотрят с надеждой и верой. Здесь родились его дети – Анс и Адель. Данциг он не отдаст. Русские могут клясться сколько угодно, что не обидят мирное население, если их впустят добровольно, – Рапп знает, что случается с городом, когда туда ворвется солдатня.

6

– Бить отбой! – приказал Винцингероде.

Трубач приложил мундштук ко рту и выдул две протяжные ноты с перепадом в октаву; ему откликнулись ротные сигнальные барабаны. Волконский недовольно нахмурился.

– Ваше превосходительство! Генерал Габленц от нас ускользнул, как бы и с Ренье того же не вышло – как бы не отдал он нам Калиша без боя!

– Отступающему неприятелю никогда не следует препятствовать, – спокойно отвечал ему Фердинанд Федорович, не отрывая от глаза подзорной трубы.

После утренней удачи генерал-майора Ланского, разбившего польский кавалерийский полк и захватившего его в плен вместе с полковником, принц Евгений Вюртембергский вздумал захватить Калиш со своею пехотой и, полагаясь на сильный огонь артиллерии, бросил солдат в атаку рассыпным строем. Храбрости принцу было не занимать, а вот рассудительности и военных знаний... Канонада, конечно, наносила городу урон, однако пехота занять его не могла: французы, засевшие в домах, стреляли отлично. Несколько атак были отбиты, Винцингероде решил не губить людей попусту: неприятель уйдет и так.

«Здра-жля, ваш-дительство!» – кричали солдаты с улыбками на чумазых лицах, проходя мимо генерала и его свиты. Трофеев было захвачено много, казаки гнали пленных; саксонский генерал Ностиц сам отдал Винцингероде свою шпагу. Пронесли на носилках бесчувственного генерала Запольского, бледного как полотно, хотя никаких ран на теле видно не было. Лекарь пояснил, что генерал опасно контужен.

Рыжие крыши Калиша медленно гасли, отчаянно ловя закатные лучи, прежде чем погрузиться в серую толщу сумерек. Шпиль костела походил на мачту тонущего корабля. Завтра он будет встречать солнце с востока, новый день приведет с собой новые порядки...

Город заняли на рассвете без боя. Авангард тотчас пустился в погоню за Ренье, чтобы не дать ему соединиться с недавно сформированным польским корпусом. У австрийской границы преследование пришлось прекратить; австрийцы согласились пропустить французов в Саксонию, но безоружными. Ружья сложили в обозные фуры, к артиллерии приставили австрийский конвой. Русские лишь провожали взглядом французов, отступавших к Глогау.

К прибытию в Калиш императорского кортежа трупы с дороги убрали, и кабы не обломанные тополя вдоль аллеи, отходившей от берега шумной Просны, ничто уже не напоминало о недавней адской пляске. Впрочем, смерть еще не собрала свою жатву до конца. Каждое утро в церкви отпевали не меньше десятка человек, которых потом хоронили с воинскими почестями. Погребальный звон, унылое пение, речитатив священника: «Упокой, Господи, душу раба Твоего...» немало смущали Александра Семеновича Шишкова, которому, в силу преклонных лет и слабого здоровья, и самому пора было задуматься о вечном. Общество министра полиции Балашова, с которым он делил квартиру, лишь усугубляло его тоску, а не развеивало: тому то и дело доставляли донесения о разных дурных слухах и повальных болезнях в российских губерниях, не так давно избавленных от ига иноземцев. В Смоленской и Минской собрали и сожгли девяносто семь тысяч тел, и то многие до сих пор валялись на земле, распространяя заразу. После таких известий и сам министр, и государственный секретарь являлись на обеды и балы, устраиваемые для съезжавшейся отовсюду шляхты, с довольно кислыми лицами.

Император же пребывал в превосходном настроении, получая донесения иного рода. Граф Витгенштейн прислал рапорт о взятии крепости Пиллау со всею артиллерией. Тысяча французов из гарнизонных войск вышла из города, покинув в нем пятьсот больных товарищей, пруссаки же остались. Русские пленные, заключенные в крепости, освобождены; один из них, рядовой егерского полка Юхан Идриг, представил генералу знамя французского батальона, которое он лично захватил в сражении под Ригой в прошлом сентябре, убив унтер-офицера, и во все пребывание свое в плену носил под рубашкой. Генерал-адъютант Чернышев и полковник Теттенборн, переправившись со своими отрядами через Одер, ворвались в Берлин, занятый корпусом маршала Ожеро, но не смогли там удержаться и отступили, захватив шестьсот пленных. Защищать прусскую столицу прибыл вице-король Итальянский, однако задача эта непростая, поскольку нация поднялась на борьбу: после того как генерал Йорк с двадцатитысячным корпусом примкнул к русским войскам и перешел через Вислу, а генерал фон Бюлов с тридцатью тысячами солдат отказался выполнять приказы Наполеона, в разных прусских городах жители записываются в ландвер⁹, формирование которого идет с усердием и быстротой, достойными восхищения, намного опережая рекрутский набор во Франции. Король Саксонский Фридрих Август покинул Дрезден, издав перед отъездом манифест о твердой своей надежде на успех и покровительство «великого Нашего союзника», – но, вероятно, не настолько твердой, чтобы без страха остаться в столице. Оборванные, обмороженные, больные солдаты брели по дорогам домой, на Эльбу и на Рейн, небольшими кучками и поодиночке, являя собой зримое воплощение разгрома, сея зерна недовольства и презрения к «гению», с чьей головы сорвали лавровый венок. Тайно распространяемые печатные листки со ста-

⁹ Силы самообороны, резерв для полевой армии. Ландвер нес гарнизонную и конвойную службу.

тиями Августа фон Коцебу превращались в угли под котелком, в котором кипело возмущение; в Любеке вспыхнуло восстание, изгнавшее оттуда французов, Гамбург подхватило волной народного гнева, поднимавшейся по Эльбе к границе Мекленбурга. Шведский кронпринц Карл Юхан уверял царя, что для воспламенения огромного пожара в Германии достаточно малой искры, и требовал обещанный ему русский вспомогательный корпус, чтобы вернуть себе шведскую Померанию.

Вот только полковник фон Кнезебек, присланный в Калиш прусским королем для заключения оборонительного и наступательного союза, был неподатлив как камень и заносчив как петух. Спаситель короля (именно кавалерийская атака Кнезебека уберегла Фридриха Вильгельма III от неминуемого пленения при Йене) примерял на себя лавры победителя Наполеона, утверждая, что это он внушил императору Александру мысль об отступлении перед Великой армией, чтобы распылить и погубить ее. Теперь он требовал, чтобы Россия восстановила Пруссию в пределах 1806 года, вернув ей все прежние земли к востоку от Вислы. Рассудив, что *besser kleiner Herr als grosser Knecht*¹⁰, Александр, не уведомив Кнезебека, отправил барона Анстедта, столь удачно заключившего перемирие с князем Шварценбергом, и барона фон Штейна из Русско-германского легиона в Бреслау, где теперь находился прусский двор. Всего за сутки договор был одобрен королем и подписан канцлером фон Гарденбергом; Анстедт привез его обратно в Калиш, и там его подписал генерал-фельдмаршал Кутузов.

«Полное истребление неприятельских сил, проникнувших в самое сердце России, подготовило великую эпоху независимости всех держав, которые пожелают воспользоваться ею, дабы избавиться от ига Франции, довлевшего над ними столько лет», – говорилось в начальных строках. Россия и Пруссия соединяли свои силы, обязуясь не заключать сепаратных договоров с Наполеоном и приложить все старания к тому, чтобы вовлечь в свой союз и Австрию. Старая коалиция возрождалась! Александр обещал Фридриху Вильгельму компенсацию убытков в случае перехода Варшавского герцогства под владычество России.

7

«Сир, уроки истории отвергают идею о всемирной монархии, стремление к независимости можно заглушить, но не изгнать из сердца народов. Взвесьте все эти соображения, Ваше Величество, и подумайте хоть раз по-настоящему о всеобщем мире, во имя которого было кощунственно пролито столько крови.

Я родился в той самой прекрасной Франции, которой Вы правите, сир; ее слава и процветание никогда не будут мне безразличны. Однако, по-прежнему желая ей счастья, я буду защищать всей душой права призвавшего меня народа и честь государя, соблаговолившего назвать меня своим сыном. В борьбе между свободой мира и угнетением я скажу шведам: я сражаюсь за вас и вместе с вами; чаяния вольных народов поддерживают ваши усилия.

В политике, сир, нет ни дружбы, ни ненависти; существует лишь долг перед народами, управлять которыми нас призвало Провидение. Их законы и их привилегии – важные для них ценности, и если ради их сохранения придется отречься от старых связей и родственных уз, то государь, желающий исполнить свое призвание, должен принять решение не колеблясь.

Что касается до моих личных амбиций, признаюсь, что они велики: служить делу человечности, обеспечить независимость Скандинавского полуострова. Чтобы достичь этого, я полагаюсь на справедливость дела, которое король приказал мне отстаивать, на упорство нации и верность ее союзников. Каким бы ни было Ваше намерение, сир, относительно мира или войны, я все равно сохраню к Вашему Величеству чувства бывшего брата по оружию. Карл Юхан».

¹⁰ Лучшее малый господин, чем большой слуга (нем.).

Перечитав написанное, Жан-Батист Бернадот удовлетворенно вздохнул. Пол кабинета был усеян снежками скомканных листков и брошенными с досады перьями, пальцы придется оттирать пемзой от чернильных пятен, но этим вариантом письма он остался доволен. Бернадот представил себе, как Бонапарт читает его послание. Возможно, и этот лист будет скомкан и брошен на пол, но уже другой рукой. Которая затем поднимет его и старательно расправит, чтобы после использовать как доказательство... Доказательство чего? Измены? Вероломства? Неблагодарности? Карл Юхан еще раз пробежал глазами письмо. Нет, ничего подобного. Все честно, откровенно и благородно.

Бонапарт не писал к нему сам, считая это ниже своего достоинства. В начале февраля генеральный консул Синьель привез из Парижа в Эребро, где собрался сейм, письма от герцога Бассано и «графини Готландской», не пожелавшей жить с мужем и сыном в холодном скучном Стокгольме и вернувшейся в Париж. Франция возобновляла свое предложение военных субсидий, если Швеция нападет на Финляндию; Дезире уверяла, что Бернадоту вернут все его владения во Франции и назначат триста тысяч франков ренты... Она явно писала под диктовку Бонапарта, да и Маре¹¹ не стал бы предлагать ничего, не одобренного императором, – к чему эти наивные уловки? Чтобы лишний раз показать, что Бернадот ему не ровня?

Вот здесь-то Бонапарт как раз сильно ошибается! Что бы ни мнил о себе император французов и король Италии, в какие бы одежды он ни рядился и какие бы венцы ни возлагал на головы своей родне, в глазах всех прочих монархов мира он узурпатор. Да и не только в глазах монархов, иначе Наполеон не приказал бы береговой охране перехватывать воззвание графа Прованского, брата казненного короля, который провозгласил себя Людовиком XVIII. Британский премьер-министр лорд Ливерпуль велел английским военным кораблям, крейсировавшим у французских берегов, доставлять эти прокламации на сушу для распространения. Король-изгнанник взывал к соотечественникам из замка Хартвелл, надеясь с их помощью вернуть себе трон, принадлежащий ему по праву рождения. Он обещал оставить в неприкосновенности органы управления и правосудия, сохранить места за чиновниками, которые присягнули ему на верность, запретить преследования за прошлые прегрешения, не отнимать ни дарованной узурпатором собственности, ни армейских чинов и орденов, не посягать даже на гражданский Кодекс, замаранный именем Наполеона, зато отменить воинскую повинность, избавив граждан от службы в армии. И пусть толстяк Прованс сейчас никто, как и его брат Артуа, – стоит маятнику качнуться в другую сторону, и их голубая кровь перевесит на политических весах море красной крови, пролитой корсиканцем. А Бернадот – иное дело. Да, он гасконец и маршал Франции, но титул шведского кронпринца он получил не от Бонапарта! Шведы сами призвали его, Карл XIII объявил его своим сыном, Карл Юхан – *законный* наследник престола! Более того, несколько депутатов сейма даже высказались в пользу того, чтобы изменить Конституцию, увеличив prerogatives короля, – зная, что королем станет он, Бернадот. Если бы это предложение вынесли на голосование, его бы приняли, требовалось только его согласие. Карл Юхан провел несколько часов в мучительных раздумьях – и отказался. Бонапарт бы ухватился за такую возможность обеими руками, но он – не Бонапарт, отрекающийся от идеалов ради собственной выгоды. Приехав в Швецию, Бернадот поклялся соблюдать Конституцию! Он не обманет доверия своего народа.

Император не поверил в его искренность, иначе Маре не представил бы в своем письме войну между Францией и Швецией как гражданскую. Ничего подобного! Франции никогда не повелевать Швецией, Бернадот – не орудие Бонапарта, теперь он швед! В начале марта Англия подписала с ним союзный договор: она не станет возражать против присоединения к Швеции Норвегии, уступит Гваделупу, которую генерал Эрнуф уже передал англичанам, предоставит

¹¹ Юг-Бернар Маре, герцог Бассано, был министром иностранных дел.

корпус в тридцать тысяч человек и субсидию в миллион фунтов стерлингов для войны с Наполеоном.

Черт побери... Вернуть занятую французами шведскую Померанию, отобрать у Дании Норвегию – это одно, но воевать против Франции... Дезире беспрестанно напоминает Карлу Юхану о том, откуда он родом, и ее сестра Жюли, и старые друзья... Конечно, за их спиной маячит Бонапарт – к черту Бонапарта! Как смеет он, корсиканец, делать их милую родину своей заложницей?..

Император Александр пару раз намекнул Бернадоту, что французы предпочли бы видеть на троне соотечественника, имеющего заслуги перед родиной (а разве не Бернадот отвел от Франции угрозу, когда англичане высадились на Вальхерене?) и способного положить конец нескончаемым войнам, заключив мир с приязненно настроенными к нему державами. Что для французов Бурбоны? Тридцать лет – срок немалый: уже целое поколение, а то и два знает о них только по рассказам отцов и дедов, их давно убрали в сундук вместе с парчовыми кафтанами и напудренными париками. Можно начать все с чистого листа. Два века назад уроженец Беарна, и не мечтавший о французском троне, явился и завоевал Париж, основав новую династию вместо выродившейся¹². Почему же другой его земляк не сумеет повторить этого теперь? Иоанн III Бернадот... Или все же Карл XIV Юхан? Не прогадает ли он, подобно лафонтеновской собаке, польстившейся на отражение в воде и выронившей добычу, которую держала в пасти? Оскар уже неплохо говорит по-шведски, даже служит иногда отцу переводчиком...

Дезире избалована и легкомысленна, она хочет жить, ни в чем не нуждаясь и не доставляя себе никаких неудобств. Она предпочла быть графиней Готландской в Париже, чем принцессой Дезидератой в Стокгольме. И Жюли такая же. Почему она сейчас не с мужем в Испании? Жозеф ведь король! Конечно, им обоим хотелось бы остаться в столице, сохранив и титулы, и богатство, и образ жизни, потому они так и хлопочут. Но что это значит для него, Бернадота? Не может же он ради женского каприза пожертвовать доверием целой нации!

Хотя что это он размышлял о французском троне? На нем все еще сидит Бонапарт. Лорд Каслри уверен, что с ним можно вести переговоры, если он проявит достаточно благоразумия. А Бонапарт не глуп и умеет действовать по обстоятельствам. Да и австрийский император предпочел бы видеть свою дочь по-прежнему французской императрицей, а без помощи Австрии Бонапарта вряд ли удастся принудить к миру.

Да: чушь, глупости, химеры! Пора вернуться на землю! А если точнее – в Штральзунд. Адлеркрейц уже готов отплыть туда с шестью тысячами пехоты, кавалерией и артиллерией; Сандельс соберет под шведские знамена померанскую молодежь – не меньше пятнадцати тысяч солдат. Конечно, оба предпочли бы воспользоваться моментом и отвоевать у русских Финляндию, пока Александр с главной армией находится за границей. Не для того ли шведы и призывали французского маршала? Но это все в прошлом; к тому же Бернадот связан по рукам и ногам – договорами с Россией и с Англией. Никто не назовет его вероломным! Без помощи этих держав не захватить Норвегию, которая вполне способна заменить Финляндию. Поэтому Карл Юхан через пару недель сам отправится в Померанию и привезет туда еще десять тысяч солдат. К тому времени русские, пожалуй, дойдут до самой Эльбы, и вот тогда... Тогда и посмотрим, а сейчас нечего думать о пустяках.

8

Белокурые немки бросались на шею казакам и целовали в усы; те предлагали им хлебнуть из фляжки с водкой и смотрели с веселым удивлением, как лихо девицы прикладываются к

¹² Речь о Генрихе Наваррском (Генрихе IV), первом короле из династии Бурбонов, сменившей династию Валуа.

горлышку. Отцы и матери семейств лобызались с пехотинцами; в окна махали белыми платками, повсюду гремело многоголосое «ура!» – Берлин встречал освободителей.

На широких площадях, на перекрестках улиц и бульваров с еще не проснувшимися после зимней спячки деревьями, на рынках и у мостов зачитывали королевский Манифест:

«Бранденбуржцы, пруссаки, силезцы, померанцы, литовцы! Вам известен лютый жребий, ожидающий вас, если мы не кончим со славою настоящей войны. Приведите себе на память знаменитых ваших предков, Великого Курфюрста и Великого Фридриха! Вспомните о всем том, что приобрели они во время славного их правления. Они кровью своею искупили независимость, торговлю, художества и науки. Воззрите на россиян, могущественных наших союзников, воззрите на испанцев и португальцев. Даже малые государства, сражавшиеся за сохранение сих благ с сильнейшими, увенчаны были победою, великодушные швейцарцы и голландцы служат тому примером...»

Вслед за передовым отрядом Чернышева в город вступил весь корпус графа Витгенштейна, и восторги утроились. По обе стороны дороги, ведущей к городским воротам, колыхались густые толпы, в самом Берлине народ забирался на заборы и островерхие крыши домов, держась за печные трубы и рискуя скатиться по черепице на мостовую с грязными лужицами. Из распахнутых окон кричали по-немецки: «Слава нашему избавителю Александру!»

...За старым городским валом Гамбурга, главного города французского департамента Буш-де-л'Эльб, с утра собралась густая нарядная толпа. Неделю назад французы бежали через западные ворота, преследуемые казаками; сегодня русским готовили торжественную встречу у восточных. Время шло, волнение нарастало, наконец в полдень затрезвонили колокола, нестройно выстрелили пушки – толпа взорвалась приветственными кликами.

Молодцеватый полковник Теттенборн с двумя Георгиевскими крестами на груди ехал с офицерами впереди. Он наклонился с седла, и три девочки в белых платьях, с распущенными по плечам русыми локонами, возложили ему на голову венок с надписью «Божественному вестнику счастливых времен!». Обнажив головы, депутаты от ганзейского сената поднесли полковнику на подушке ключи от города, которые он поднял в вытянутой руке под крики «ура!». Простым казакам тоже дарили венки и букеты; матери протягивали им младенцев для поцелуя, а ребятишек постарше подсаживали в седла. К празднику готовились все: хвосты и гривы лошадей были тщательно расчесаны, кафтаны вычищены, усы заливхватски закручены вверх. Принарядились даже башкиры, удивив своих русских товарищей: они были в белых кафтанах, специально прибереженных для такого случая, и красных шапках. Замыкали шествие красавцы-гусары в красных доломанах.

Вдоль засаженного липами бульвара Юнгфернштитг на берегу запруды поставили столы с угощением для освободителей. С едой расправились быстро, и казаки с башкирами расположились тут же отдыхать под мартовским солнцем, привязав лошадей к деревьям. Дети таранились на густые бороды, мохнатые шапки и звериные шкуры; жители бегали на Юнгфернштитг смотреть, как казаки играют в карты, курят свои короткие трубки или спят прямо на земле, завернувшись в толстые бурки; их угощали пирогами, колбасой, сыром, пивом и крепким гамбургским кюммелем. На лотках книгоношей появился небольшой немецко-русский разговорник, открывавшийся словами «вино, водка, пиво, вода».

Теттенборна чествовали на банкете, устроенном в Ратуше. Наконец-то Гамбург вернул себе независимость и прежние свободы! Впервые за семь лет в почтовую карету погрузили корреспонденцию для Англии, в кофейнях лежали пахнущие свежей краской газеты на немецком языке и с гамбургским гербом – двумя львами, охранявшими белый замок. По улицам носили бюст императора Александра, увенчанный лаврами и гирляндами; войска приветствовали его криками «ура!»; с наступлением темноты в каждом окошке горели свечи.

«Самый достолавный подвиг, подлежащий ныне каждому гражданину, любящему свое отечество, состоит в том, чтобы с мечом в руке гнать из пределов Германии иноплеменика,

который уже на триста миль прогнан победоносным российским воинством, – читали следующим утром на перекрестках прокламацию, изданную полковником. — Стыдом и поношением покроется каждый, кто в сие время, когда идет брань за высочайшее благо человечества, останется праздным. Итак, еще повторяю: примите оружие и под защитой Императора Всероссийского соберитесь под собственными вашими знаменами; и я весьма радуюсь, что мне суждено первому вести вас на поражение общего врага и быть свидетелем вашей храбрости». Добровольцев призывали записываться в Ганзейский легион; из них выстроилась очередь.

...Решение уйти из Берлина далось Евгению Богарне нелегко, но у него не оставалось выбора. Саксонский корпус, которому придали возвращенных из плена австрийцев и поляков, таял на глазах: каждое утро на переключках недосчитывались нескольких десятков человек – сбежавших или заболевших. Зараза перекидывалась с корпуса на корпус подобно пылающим головешкам при сильном ветре, стать на биваки в поле значило бы угробить армию. А тут еще Жером, вестфальский король, сообщил Эжену, что денег на армию у него нет и не будет, в Магдебурге провианта всего на два дня, запасов не сделано никаких – чем кормить солдат? Снова прибегать к реквизициям с угрозой вызвать восстание? Бремен оставлен, Ольденбург бунтует, в Блексене артиллерийская батарея, перешедшая на сторону мятежников, открыла огонь по батарее Карлсбурга, оставшегося верным императору; Дрезден пока еще в наших руках, только надолго ли? К счастью, Висла, Одер, Эльба временно превратились в непреодолимые преграды, которые задержат продвижение неприятельских войск, разделив пехоту и вырвавшуюся вперед кавалерию, а когда лед пройдет, реки вернутся в берега и дороги подсохнут... наверное, государи уже заключат мир.

... – Нужно, наконец, начать воевать! – гневным тоном диктовал Наполеон очередное письмо к своему пасынку. – Наши военные действия служат предметом насмешек союзников в Вене и врагов в Лондоне и Петербурге, потому что армия вечно уходит за неделю до прибытия неприятельской пехоты – при приближении легкой кавалерии и из-за простых слухов. Если бы то, что я ныне приказываю для Эльбы, было сделано на Одере, а вы, вместо того чтобы отступать к Франкфурту, собрали бы войска перед Кюстрином, неприятель дважды бы подумал, прежде чем ринуться на левый берег. Вы выиграли бы дней двадцать и дали время обсервационному корпусу занять Берлин...

Диктовку прервал стук в дверь, испуганный лакей подал на подносе срочную депешу от герцога Бассано. Прусский посол запросил паспорт на выезд из Франции, вручив министру официальную ноту об объявлении войны.

...На холмах вдоль дороги выстроились пехотные полки, радуя взгляд новехонькими мундирами и тщательно выбеленными портупелями; несколько кавалерийских эскадронов и ярко начищенных пушек дополняли эту картину. Выйдя из коляски, Александр и Фридрих Вильгельм III сели верхом; протяжное «ура-а!» перекатывалось за ними следом. Генерал-фельдмаршал Кутузов в полном мундире дожидался государей, стоя впереди строя: забраться в седло ему оказалось уже не по силам. Из уважения к его сединам государи тоже спешили, принцы последовали их примеру. Они были очень похожи друг на друга: больше-ротые, курносые, только младший, Вильгельм, все еще казался диковатым подростком, глядящим исподлобья, а старший, кронпринц Фридрих Вильгельм, уже вытянулся в юношу с царственной осанкой.

Били барабаны, развевались штандарты, войска совершали перестроения, солдаты поднимали ноги, как один человек. Любуясь их четкими движениями, прусский король не мог не отметить про себя, что их гораздо меньше, чем он рассчитывал, – не больше восемнадцати тысяч. И это вся армия?

– Поверьте, брат мой, – негромко сказал он Александру, – никто другой не сможет справедливее оценить жертвы, принесенные вами на алтарь нашей общей победы.

Александр пожал ему руку, улыбнувшись краешками губ. Потом небрежно добавил, что это, конечно же, не вся армия: часть занята на осадах крепостей на Висле и Одере, часть задержалась в пути из-за разлива рек.

Провожаемые криками «ура!», государи уехали в Калиш верхом, предоставив свою коляску в распоряжение главнокомандующего.

...«Пруссия идет вместе с нами положить конец сему нестерпимому кичению, которое, несмотря на собственную свою и других земель пагубу, алчет реками крови и грудями костей человеческих утвердить господство свое над всеми державами». Перо затупилось, надо бы очинить... Эх, руки дрожат, глаза слезятся... Отказавшись от этой затеи, Шишков отложил ножик и продолжил скрипеть по бумаге: «Мы стоим за веру против безверия, за свободу – против властолюбия, за человечество – против зверства. Бог видит нашу правду. Он покорит под ноги наши гордого врага и посрамит ползающих к стыду человечества перед ним рабов...» Который час-то уже? Батюшки! Пора собираться. Приказ по армии он окончит позже, успеется, государь сказал, что и завтра можно представить.

За обедом Шишков сидел напротив Кутузова, который явился со звездой ордена Черного орла, пожалованной ему прусским королем, и темно-желтой орденской лентой через левое плечо. На середине его широкой груди красовался портрет императора Александра, осыпанный бриллиантами; говорили, что князь Смоленский получил и портрет Фридриха Вильгельма, только на золотой табакерке. Огоньки свечей отражались в золоте эполет, лучах орденских звезд и гранях бриллиантов; вино наливали в богемский хрусталь, еду подавали на фарфоре, за столом было пестро и шумно.

На бал Александр Семенович не остался, сославшись на годы и неоконченную работу; государь милостиво отпустил его. Пробираясь к выходу, Шишков чуть не столкнулся в дверях с Кутузовым. «Sum cuique»¹³, – бросились в глаза золотые буквы поверх раскинувшего крылья черного орла в красном круге. Поздравив еще раз Михайлу Ларионовича, Шишков отвел его в сторонку и задал вопрос, который терзал его с прошлого утра: что же теперь? мир или война? Из бальной залы донеслись звуки духовых – полковая музыка играла полонез. Одышливо хрипя, Кутузов наклонился к волосатому уху Шишкова и громко прошептал в него:

– Самое легкое дело идти теперь за Эльбу. Но как воротимся? С рылом в крови!

9

Такого бурного разлива Вислы в Данциге не было лет сорок. Взбесившаяся река мчалась к Балтике, унося с собой льдины, телеги, бочки, плетни, распухшие трупы людей и животных. На несколько лье¹⁴ вокруг все поля были залиты водой, прорвавшей шлюзы, смывшей засеки, затопившей редуты, вырвавшей с корнем деревья и разрушившей крестьянские хижинки. По прибрежной части города словно провел языком гигантский пес, обратив верфи и склады в грязное месиво. Новости, доставляемые к коменданту, были одна хуже другой. Единственным утешением служило то, что и русских стихия не пощадила, поэтому они не предпринимали штурма, ограничиваясь ночными стычками на аванпостах.

На улицах, куда не долетал шум воды, слышался унылый звон колоколов, медленный перестук копыт, скрежет колес громоздких катафалков, глухие рыдания: эпидемия перекинулась с солдат на обывателей и уносила на тот свет всех подряд, не разбирая – богатых и бедных, старых и молодых, по двести человек в день. Генерал Франчески, уцелевший в бою, умер от лихорадки.

¹³ Каждому свое (лат.).

¹⁴ Лье – расстояние в 4 км.

Рапп запретил торжественные похороны. Образы смерти во всех ее видах и так встречались на каждом шагу, повергая в уныние защитников Данцига. Не время скорбеть, надо думать о том, как выжить! Комендант закупил в городских аптеках лекарства для госпиталей, но они только усугубляли мучения. На больных накатывали приступы безумия, они то буянили, представляя себя в пылу сражения, то стонали и плакали, то хохотали, вспоминая пирушки с друзьями, то впадали в отчаяние, громко звали родных и сокрушались о том, что не увидят милую родину. Здоровая и обильная пища помогла бы им куда лучше порошков, но для госпиталей едва удавалось наскрести ежедневный паек в две унции свежего мяса на человека, а весь рацион (пока еще) здоровых сводился к опротивевшей солонине и сушеным овощам.

Раздобыть съестное в окрестностях Данцига стало невозможно: местные жители отказывались помогать французской армии. Сколько ненависти было в их лицах! Такая перемена за несколько недель... Должно быть, не одни только телесные страдания тому причиной. С самого начала осады Рапп не имел связи с главной армией и не получал никаких вестей о ходе военных действий, бургомистры ближайших поселков могли поделиться с ним только слухами, которые распространяли русские.

Недавняя попытка послать сторожевое судно в Штральзунд за провиантом и медикаментами не удалась: корабль угодил в шторм, ветер и волны швыряли его, как щепку, пока не выбросили на берег. Приближалось весеннее равноденствие, на Балтике это самый разгар бурь; нет смысла отправлять людей на верную гибель, когда шансов на успех почти никаких.

После очередного изматывающего дня Рапп рухнул на постель совершенно без сил. Голова болела нестерпимо, его даже стошнило в таз; слуга испугался заразы, но генерал успокоил его: тут другое, старые болячки. Пройдет. И доктора не надо. Он достал из походного сундучка склянку с порошком, высыпал в стакан с водой, размешал ножом, выпил, морщась от горечи. Кожу под волосами стянуло, словно она отслоилась от черепа, ее хотелось сорвать и выбросить, к тому же снова заныло левое плечо. Поспать бы. Забыться. Не видеть. Не думать. Хотя бы несколько часов. Слуга ушел, забрав вонючий таз, Рапп задул свечу.

...Влажный воздух щекотал ноздри, так приятно было дышать чистотой и свежестью после дыма от навозных куч! Как только мигрень отступила, Рапп сам возглавил вылазку в Куадендорф, которую планировал уже давно. Да, это далеко, и путь опасен, но в Куадендорфе должны были находиться значительные запасы провианта. Вчера комендант распорядился заменить масло желатином; солдаты ели конину и не получали вина, которое отдавали больным и раненым. Существует же предел силам человеческим.

Чавкал под копытами мокрый снег. Оскальзываясь задними ногами, лошадь всхрапывала, задирая морду, тогда Рапп наклонился и трепал ее по шее, чтобы успокоить. Вольтижеры шли впереди, их силуэты расплывались в сером мареве. Вскрик, выстрел, оборвавшаяся дробь барабана... Рапп дал лошади шенкелей; лейтенант Фабер обогнал его, крикнув гусарам: «*Au galop!*»

Русские, отстреливаясь, отступали к Санкт-Альбрехту; вольтижеры перебегали за ними, по очереди стреляя стоя и с колена. Навстречу Раппу шел гордый барабанщик Матузалик: он захватил пленного с помощью своих палочек, воткнув их ему в щеку во время драки! Оба вывалились в снежной слякоти, продранный барабан Матузалик бросил... В Санкт-Альбрехте оставались только раненые, кавалерия рубилась уже у Швайскопфа; отправив туда ординарца с приказом не увлекаться погоней и не отрываться от своих, Рапп поскакал к дамбе, откуда слышался треск перестрелки.

Рассвело; темно-зеленые фигурки суежились, садясь в лодки, три человека заряжали небольшое орудие.

– Вперед, баварцы!

Задорный выкрик почти детского голоса сменился шумным плеском. Рапп невольно дернул рукой, словно хотел удержать сорванца за шиворот. Юный солдат, совсем еще мальчик,

быстро ушел в ледяную воду по самую грудь, подняв тяжелое ружье над головой; несколько товарищей бросились за ним, остальные в нерешительности топтались на берегу. Рапп отправил с десятков человек искать лодки, а прочим велел рассредоточиться и прикрывать храбрецов огнем. Сам он оставался в седле, хотя логика подсказывала спешиться и укрыться за лошадью, но генерал не мог оторвать взгляда от дамбы. Русские зарядили пушку и сделали первый выстрел; картечь с визгом пронеслась над водой; с одного солдата сбило шапку, другого ранило в руку, Керн (да, парнишку звали Керн, теперь он вспомнил!) с головой ушел под воду, но скоро вынырнул, ловя воздух перекошенным ртом. Несколько пуль ударились в землю прямо перед копытами лошади Раппа, взбив фонтанчики талой воды, лошадь попятилась... Вольтижеры стреляли, быстро перезаряжая ружья; генерал приказал прекратить огонь: наши уже выбирались на дамбу. Где Керн? Вон он – изогнутая зигзагом фигурка стояла на коленях, опираясь обеими руками на ружье. Ранен? Скорее всего. Дрожит всем телом от холода, не попадая зубом на зуб... Дьявол! Баварцы дрались с русскими канонирами, которые отбивали банниками штыки и приклады; двое, сцепившись, скатились в воду, сомкнувшись над ними могильной плитой... Вернулись посланные: лодок нигде нет, их реквизировали русские. Бросив последний взгляд на дамбу, Рапп приказал отходить в Санкт-Альбрехт. Жалко мальчишку, зачем он только сунулся в воду...

Белесый диск солнца маячил за серой хмарью, ветер озледел. У Куадендорфа стояло так много русских войск, что идти туда было сродни самоубийству. Рапп разослал кавалеристов по окрестным лескам и рощам, им удалось собрать там не больше сотни голов скота – овец с грязной свалявшейся шерстью и несколько тощих коров, все остальные припасы из деревень были вывезены. Гоня перед собой добычу, едва живые от усталости солдаты побрели обратно в Данциг.

Надо будет непременно справиться о Керне. Когда-то Рапп сам был таким – сбежал в пятнадцать лет в армию от отцовских конторских книг. Дети грезят о подвигах, славе, любви, им хочется высокого, яркого, чистого, они еще не знают, что оборотная сторона доблести – грязная вонючая солома на продавленной койке в холодном госпитале...

...«С радостным восхищением взираю на рвение, с каковым юноши всех состояний принимают оружие и становятся под знамена Моего воинства; с каковою охотою мужи, презирая всякую опасность, вступают в военную службу; и какими жертвами стараются наперерыв все состояния всякого возраста и пола явить любовь свою к Отечеству...»

Два бюргера в сильно поношенной, но добротной одежде переминались с ноги на ногу перед генерал-губернатором. Один из них, с красными прожилками на обвисших щеках, смагивал слезы, другой, с наполовину лысым черепом и седыми бакенбардами, смотрел в пол печально и смиренно, готовый принять свою участь.

За выдачу агитаторов Рапп назначил награду в двести франков; вчера во рву уже расстреляли двух человек, подбивавших солдат к дезертирству. Но эти двое – иное дело. У них нашли манифесты прусского короля «К Моему народу», «К Моему воинству» и «О наборе ополчения». Конечно, они получили их от русских шпионов. Но люди просто хотели знать правду о том, что происходит в мире. Как и сам Рапп.

Значит, все – Пруссия сбросила маску? *«Верный Мой народ употребит все возможные средства в сей последней и решительной брани за Отечество, независимость, честь и собственные свои жилища, для сохранения древнего имени, которое доставили нам предки наши кровью своею...»* Рапп вновь ощутил горечь во рту. Фридрих Вильгельм рассчитывает на верность своего народа – верность ему? Клявшемуся на могиле великого предка в вечной дружбе то одному союзнику, то другому, объявляя войну вчерашнему другу? Отрекшемуся от народного мстителя Фердинанда фон Шилля, хотя тайно его поощрял? Какой достойный пример для подражания!

Вместе с измятыми листками манифестов на столе лежали «Кенигсбергские ведомости» с «Воззванием к государям германским из русского стана» и статейкой о том, как состоятельные немки, откликнувшись на призыв Марианны Прусской, жертвуют на войско свои драгоценности и деньги, получая взамен железное кольцо с надписью «Gold gab ich für Eisen» («Золото меняю на железо»). Журналист выпендренным слогом описал «подвиг» пятнадцатилетней Фердинанды фон Шметтау из Силезии, которой было нечего отдать, кроме своих прекрасных золотистых волос; она выручила за них два талера у парикмахера и тотчас возложила эти деньги на Алтарь Отечества.

В двери коротко постучали, они тотчас распахнулись, караульные впихнули внутрь еще одного штатского со связанными руками; унтер-офицер вышел вперед, отсалютовал Раппу и доложил о поимке очередного агитатора. Он раздавал вот это.

На столе появилась новая пачка мятых листков. Под прокламацией на немецком языке стояла подпись русского генерала Витгенштейна, и обращался он к саксонцам: *«Бесчисленные армии России и Пруссии вас поддержат... Кто не за свободу – тот против нее! Выбирайте между моим братским поцелуем и острием моего меча!.. Если у вас нет ружей, берите в руки косы и дубины»*.

Арестованный не прятал глаз: они были темные, пустые, бездушные, точно ружейные дула. Видно, этот человек уже все потерял; скорее всего, он сам жаждал смерти.

Два года назад саксонский король возложил на Раппа желто-голубую ленту военного ордена Святого Генриха «в знак своего удовлетворения заботами о войсках Его Величества в Данциге». К тому времени у генерал-губернатора уже имелся орден Баварского Льва, которым ныне могла похвастаться лишь горстка людей, и большой крест баденского Ордена Верности, не говоря уж о красном банте Почетного легиона. Поляки, баварцы, саксонцы, вестфальцы – для Раппа все солдаты были равны, пока они защищали Данциг, обретший независимость от Пруссии после Тильзитского мира. Да и обыватели не могли обвинить его в предвзятости.

Желудевые глаза генерала остановились по очереди на каждом из «злодеев». Ни одного пришлого, все – местные уроженцы. Наверняка почтенные отцы семейств. Не успели вовремя уехать в безопасное место, внезапно остались без средств к существованию и теперь слышат каждый день голодный плач своих детей, читая безмолвный упрек на изможденных лицах жен. Что сделал бы Рапп на их месте?.. Хорошо, что Юлия с детьми сейчас в Париже: он смог поселить ее в своем особняке на улице Плюме сразу после развода с женой; все равно там никто не живет...

– Обрить им головы и отпустить, – объявил комендант свое решение.

10

Он стоит у борта корабля, держась за леер. Кругом серая вода, подернутая рябью, чуть дальше перекатываются волны, однако качки не ощущается. «Я не выношу морских путешествий, мне надо сойти на берег», – говорит тем не менее Фуше. «Неужели?» – участливо откликается человек рядом с ним. Фуше видит, что это Савари, и сам удивляется тому, что говорит с ним столь откровенно. По палубе идут, удаляясь, еще двое; один, невысокий, прихрамывает на левую ногу, на которой вместо башмака надет уродливый сапог. Талейран! И он здесь? Куда они плывут? Неужто в Англию?

К борту цепляют лестницу, надо спуститься в лодку. Савари спускается первым, Фуше за ним. Лестница все никак не кончается, он боится смотреть вниз и осторожно нащупывает перекладыны ногами. Все, он в шлюпке. Их везут на берег. Волна подымается – большая, зеленая, она уже выше головы и начинает изгибаться, чтобы обрушиться на лодку тяжелую холодную воду. Странно, но страха нет. Кольцо смыкается, вода теперь со всех сторон, шлюпка внутри. Но вот они на берегу. Фуше видит палатку, в которую заходит Бонапарт и с ним еще кто-то.

Они в Булони? Талейран тоже идет к палатке, с ним очень толстый человек, которого Фуше как будто знает, но не может вспомнить его имя. Савари уводит его в сторону, они уже не у моря, справа какая-то высокая стена, перед ней ров – нет, это не ров: свежевырытая могила. По ту ее сторону – шеренга солдат с ружьями; Фуше ставят у стены. «Подождите! – говорит он неслушающимся языком. – Я должен поговорить с императором!» Вдалеке он видит палатку, из которой появляется Наполеон. «Сир! Сир!» – кричит Фуше, не слыша собственного голоса. На месте Савари теперь стоит улыбающийся Меттерних; он достает из кармана свернутую в трубку бумагу, собираясь читать; Фуше делает шаг вперед и падает...

Дернувшись всем телом, Фуше проснулся. Мягко горел масляный ночник в стеклянной колбе, под латунным абажуром. Из темноты выступал угол письменного стола, край ковра на полу. С тех пор как умерла жена, Фуше спал в своем кабинете.

Внезапное пробуждение оставило неприятное ощущение. В комнате было прохладно: печь остыла, жаровня тоже. Встать или полежать еще немного? Наверное, еще ночь...

Фуше перевернулся на спину, пялясь в зернистую темноту. Сон не выходил у него из головы. Конечно, он сильно уязвлен тем, что Наполеон вновь зовет на совет Талейрана. Хотя это вовсе не значит, что хромой дьявол вернулся в милость, – Бонапарт хочет использовать изворотливый ум этого ренегата или вывести у него что-нибудь. Но если ему нужна информация, разумнее было бы обратиться к Фуше! Портфель министра полиции он передал Савари, однако в портфель много не положишь: связи, агенты, информаторы, каналы для сбора точнейших сведений – все это осталось при нем. И еще документы, чтобы держать всю эту рыбешку на крючке. Фуше нарочно не отдал их агентам императора; он скорее расстанется с жизнью, чем с этими бумагами... от которых зависит его жизнь. Должно быть, Бонапарт еще не отошел после недавнего заговора; говорят, он расвирепел, узнав, что покойный Мале в его отсутствие провозгласил Республику и в Париже кричали: «Да здравствует Нация!» Талейрану, божку роялистов из Сен-Жерменского предместья, легко отрестить от либеральных идей, а вот якобинское прошлое Фуше могло навлечь на него новые подозрения... Берег Ла-Манша он тоже видел во сне неспроста: у него есть совершенно положительные сведения, что Наполеон опять посылал в Лондон банкира Лабушера, пытаясь завязать переговоры, и вновь потерпел неудачу. Ах, вот кто был тот толстяк, которого вел за собой Талейран, – граф Прованский! Ну конечно! В своей прокламации к французскому народу он призывает Сенат стать орудием великого благодеяния... Несомненно, Наполеон о ней знает, не может не знать, но все же не мешало бы послать ему один экземпляр с пояснением... И заодно напомнить о себе.

Откинув одеяло, Фуше сбросил ноги с дивана, ощупью всунул их в туфли без задников, поежился от холода, встал, надел теплый стеганный шлафрок с меховой оторочкой, завязал пояс.

Пруссия заключила союз с Россией; главнокомандующий Кутузов объявил из Калиша о роспуске Рейнского союза; Мекленбург-Шверин уже вступил в коалицию, Бавария пока только ведет с ней негласные переговоры, однако потихоньку отводит свои войска. Наполеон наивно полагал, что Максимилиан Баварский, многим ему обязанный, будет стоять горой за своего благодетеля, – как плохо он все же знает людей! Конечно, королю Максу не хочется отдавать Тироль и Зальцбург, но ему куда проще договориться с Австрией, чем воевать с новой коалицией. И то, что его дочь замужем за приемным сыном Наполеона, его не остановит. В Вюрцбурге, Гессене, Вюртемберге, Бадене скорее прислушаются к ропоту народа, готового убивать французов, чем к окрикам Бонапарта, даже на Саксонию нельзя положиться. Дания колеблется, в Бельгии беспорядки, рекрутский набор в Голландии пришлось прекратить из-за повсеместных выражений недовольства... Конечно, Фуше известно об этом не из газет, у него есть свои каналы, но правительство – не пустоголовые обыватели, *minus habens*, которым скармливают информацию под нужным соусом, небольшими порциями и не слишком разнообразя меню. Узнав о том, что Пруссия согласна на перемирие, если французы не станут переходить за Эльбу и уступят ей все крепости на Одере и Висле, Лебрен и Коленкур побуждали императора начать

переговоры; Талейран заявил со своей всегдашней претензией на остроумие, что мы всегда властны отказаться от сражения, однако Наполеон мотал головой, подобно упершемуся мулу: «Им нужны крепости? Пусть отберут их у меня, а я ничего не отдам». В газетах он велел напечатать, что даже если неприятель установит свои батареи на холмах Монмартра, это не заставит его уступить и пяди земли. Он уже объявил о своем скором отъезде к армии, назначив Марию-Луизу регентшей (под присмотром архиканцлера Камбасереса, за которым присматривал Савари). Неужели он думает, что ловко польстит императору Францу, заставив его дочь зачитывать мужнины послания в Сенате, подобно механической кукле? И Талейран включен в регентский совет!

Фуше сел за стол, придвинул к себе лампу, достал из бювара лист бумаги, откинул крышку бронзовой чернильницы, обмакнул перо...

Войдя утром в комнату с умывальным кувшином, слуга молча закрыл дверь и удалился, мягко ступая в туфлях на войлочной подошве: когда хозяин работает, его лучше не тревожить. Фуше писал Наполеону о том, что сторонники Бурбонов начеку, поражения разбудят Сен-Жерменское предместье, усыпленное победами, и произведут большую перемену в общественном мнении всей Европы; усталость от войны распространяется вширь и вглубь; для всеобщего спасения нужно срочно заключить мир – или сделать войну отечественной, возбудив всеми средствами чувство национальной гордости и внушив народу мысль о том, что для установления мира ему нужно взяться за оружие. Слишком большое доверие к союзу с Австрией грозит гибелью, Вене нужно предложить золотой мост и поскорее отдать ей Тироль и Иллирийские провинции по доброй воле, пока не придется сделать это вынужденно. Фуше известно наврное, что Вена вступила в переговоры с царем, который побуждает ее вернуть себе Тироль и Северную Италию вплоть до Мантуи, чтобы, встав между Францией и воюющими с ней державами, принять на себя роль посредника и всем диктовать свои условия. Кстати, граф Отто не настолько умелый дипломат, чтобы не растеряться при столь внезапной перемене обстоятельств; Меттерних с легкостью обведет его вокруг пальца, вот граф де Нарбонн сумел бы постичь истинные намерения венского двора...

Явившись на нетерпеливый трезвон колокольчика, слуга принял из рук хозяина письмо с еще теплой сургучной печатью.

11

– Ваше превосходительство! Донесение от полковника Давыдова!

Волконский отдал Винцингероде только что полученную бумагу и молодежато щелкнул каблуками:

– Дрезден наш!

Винцингероде заметно встревожился, поспешно развернул письмо, пробежал его глазами, и лицо его побагровело.

– Dummkopf, вашу мать! – крикнул он в сердцах. – Разжаловать! Под трибунал!

Серж опешил, не ожидав ничего подобного. Он ведь сам как начальник штаба посылал Давыдову приказ корпусного командира идти с легким отрядом к Дрездену! В своем рапорте Денис повествовал высоким слогом, как он, заняв без боя Нейштадт, вступил в переговоры с генералом Дюрютом, заключил с ним перемирие на два дня, и вот теперь французы уходят, Дрезден наш! Разве генерал не говорил не так давно, что отступающему неприятелю не следует мешать?

– Ему было четко приказано идти к Дрездену, чтобы неприятель не подумал, будто мы имеем намерение идти на Дрезден! – бушевал Винцингероде.

Волконский озадаченно молчал, чувствуя, что стратегический план генерала ускользает и от него.

– Зачем он врал, что за ним следует весь корпус? Мне велено действовать наступательно на Мейсен, *минуя* Дрезден! Увидев пару сотен казаков, неприятель не испытал бы беспокойства и остался бы на месте, а теперь? Куда ушли эти три тысячи солдат, которым он великодушно позволил захватить с собой оружие? В Лейпциг? На соединение с главными силами?

На Сержа наконец-то снизошло озарение; теперь он досадовал на свою глупую радость. И все же Давыдов не виноват – вернее, виноват в том, что не выполнил приказ... то есть перевыполнил его, но взять на арапа столицу Саксонии – это ведь кому угодно вскружит голову, а победителей не судят! Воркуя по-французски, он уговаривал Фердинанда Федоровича взять в рассуждение все эти обстоятельства и позволить Давыдову поехать в главную квартиру, чтобы оправдаться лично. Винцингероде недовольно сопел, но, не будучи кровожадным по натуре, нехотя согласился: хорошо, пусть поедет и объяснится с фельдмаршалом. Но командование отрядом сдаст! Ему не нужен подчиненный, считающий себя умнее командира.

Вздыхнув про себя с облегчением, Волконский испросил разрешения удалиться, чтобы написать полковнику Давыдову, но тут из приемной послышались громкие голоса, грохот поваленной мебели и жалобные вскрики.

– Что там еще? – тотчас вскинулся Винцингероде, еще не выпустивший весь пар. – *Es macht mich verrückt!*¹⁵

С шумом отодвинув стул, он одним толчком распахнул дверь в приемную; Серж поспешил за ним.

Посреди комнаты валялась на полу круглая шляпа, как видно, только что сбитая с чьей-то головы. Адъютант генерала заслонял собой перепуганного бюргера в темно-синем сюртуке и штанах до колен, с растрепавшимися волосами и развязавшимся галстуком; против него, замахнувшись кулаком, стоял офицер из отряда Эртеля, которого Волконский знал в лицо. Ему стало ясно, в чем тут дело. Перед вступлением в Герлиц, первый саксонский город, Винцингероде издал приказ о том, чтобы с жителями обходились дружелюбно и за все взятое у них платили квитанциями, обывателям же разгласили, чтобы обо всех случаях притеснений относиться прямо к генералу. Но партизаны, к числу которых принадлежал и отряд Эртеля, привыкли вести себя бесцеремонно, к тому же Саксония по-прежнему считалась союзницей Наполеона, а следовательно, неприятелем.

– **Was ist denn hier los?**¹⁶ – грозно спросил Фердинанд Федорович, нахмутив свои светлые брови.

Кулак опустил; бюргер выбрался из-за спины своего заступника, низко поклонился генералу и залопотал по-немецки, путано объясняя, что если к нему на квартиру определили военных, то отчего же, пожалуйста, но это же не значит, чтобы выбрасывать на улицу хозяев, куда же он пойдет, ведь у него старая мать и дети, и если господа военные забрали ключи от кладовой, то пусть хотя бы выдают немного каждый день, ведь у него дети и старуха-мать...

Винцингероде стремительно шагнул к обидчику саксонца.

– Мерзавец! Негодяй!

Его рука мелькнула в воздухе, раздался резкий звук пощечины. Вздрыгнув всем телом, ошеломленный Волконский перевел взгляд с удивленного офицера на побагровевшего от гнева генерала, а потом выбежал в двери.

Его душили слезы. Пробежав внутренние покои до конца, он встал у окна, выходявшего в сад, спрятал лицо в ладонях и разрыдался.

Винцингероде ударил офицера! Человек, который был для него идеалом благородства, нанес оскорбление дворянину, не имевшему возможности защитить свою честь, стоя тремя

¹⁵ С ума можно сойти! (нем.)

¹⁶ Что тут происходит? (нем.)

ступеньками ниже в табели о рангах! Если бы Сержу сказал такое кто-нибудь другой, он не поверил бы, но он видел это собственными глазами! Только что! Собственными глазами!

Он впервые осознал, как много значит для него Винцингероде. Еще ни к одному начальнику и командиру он не испытывал такой искренней привязанности, такого сыновнего чувства. Даже к родному отцу своему он относился иначе. Конечно, он почитал отца, гордился им и старался заслужить его одобрение, но почти не знал его. «Неутомимый Волконский», как называл Григория Семеновича Суворов, сражался с турками, пока Серж учился ходить и говорить, а когда пришла пора осваивать грамоту, отец уехал губернатором в Оренбург, где и находился по сей день почти безотлучно, если не считать двухмесячного отпуска семь лет назад. Их встречи были редки; в своих письмах отец лишь посылал младшему сыну свое благословение да давал наставления самого общего характера. Матап, как понял Серж, повзрослев, препятствовала этим встречам, стыдясь «странных» своего мужа; за последние десять лет она всего лишь раз посетила его в Оренбурге, причем привела супруга в сильное смущение своим пышным поездом. Они были полными противоположностями: Григорий Семенович – мягкий и добродушный, несмотря на отчаянную храбрость и мужество, щуплого телосложения, с поэтической душой и страстью к старой итальянской музыке; Александра Николаевна – породная, строгая, властная, воплощение долга и дисциплины, истребивших в ней ростки всякого чувства. Она – придворная дама *par excellence*, он – чудака, вздумавший стать *le second tome*¹⁷ Суворова. Трудно сказать, как относился бы Серж к отцу, если бы тот и его заставлял каждый день обливаться холодной водой, ходить зимой без верхнего платья и креститься на церковную маковку, становясь на колени посреди улицы; возможно, часто испытываемая неловкость перешла бы в неприязнь... Но что говорить о том, чего не было. Сыновнее почтение Сержу внушили воспитанием, оно стало частью *comme il faut*, проповедуемого матап. Да и разница в годах давала себя знать: отцу уже за семьдесят, Сержу нет и двадцати пяти – как им понять друг друга? Но встреча с Винцингероде перевернула жизнь петербургского повесы. В этом человеке Серж увидел то, к чему в глубине души стремился сам: независимость суждений, беспристрастность, твердость, бескорыстие, полное отсутствие спеси, снисходительное отношение к молодости и неопытности. К своим молодым подчиненным Фердинанд Федорович относился как отец, направляя и поощряя; он гордился их подвигами и никогда не приписывал себе чужих заслуг. Кстати, после сражения при Калише генерал написал представление на Волконского, ходатайствуя о генеральском чине для него, однако начальник главного штаба Петр Михайлович Волконский, женатый на родной сестре Сержа Софье, настоятельно просил Кутузова отсоветовать государю это повышение, чтобы никто не смог обвинить его в протекции шурина. Эгоизм под маской справедливости! Серж так и остался полковником, получив вместо чина еще одного «георгия»; Винцингероде утешал его как мог. При этом Волконский не считался генеральским протеже; и граф Воронцов, и Саша Бенкендорф пользовались добротой Фердинанда Федоровича, платя за нее искренней преданностью, но для Сержа снискать его доверие сделалось чуть ли не главной целью. И вот теперь...

– Что с вами случилось? – услышал он мягкий знакомый голос.

Серж быстро вытер глаза и обернулся.

– Не со мною, генерал, но с вами, – ответил он голосом, огрубевшим от слез.

– Да что же?

На лице Винцингероде было написано чистосердечное недоумение. Волконский решил:

– Генерал, вы в запальчивости сделали ужасное дело.

– Не понимаю.

– Вы дали пощечину офицеру.

¹⁷ *Par excellence* – в высшей степени, *le second tome* – здесь: копия (франц.).

– Это не офицер, а простой рядовой.

Ну конечно! Этот эртелевец прежде служил в дивизии покойного Аркадия Суворова, который велел всем офицерам носить солдатские мундиры.

– Вас, видно, ввел в заблуждение мундир без клапанов и галунов, но вы нанесли обиду офицеру.

– Неужели?

– Точно так, генерал.

В голубых глазах Винцингероде столь ясно читалось огорчение, что Сержу стало стыдно за свои несуразные мысли. Бог свидетель, это простое недоразумение! А он мгновенно сбросил свой идеал с пьедестала, усомнившись в его порядочности! И после этого еще ждал доверия к себе? Ах, как нехорошо!.. Между тем генерал уже стоял рядом, взяв его за руки.

– Я уважаю вас и верю каждому вашему слову, – сказал он с чувством. – Если я невольно обидел офицера, то постараюсь это исправить. Позовите его ко мне.

Поклонившись, Серж отправился на поиски. Ротмистра уже отвели на гауптвахту; Волконский велел ему следовать за собой. Когда они вновь предстали перед генералом, тот оторвался от бумаг на своем столе и вышел вперед, остановившись перед эртелевцем.

– Я неумышленно пред вами виноват, я принял вас за рядового, поэтому не могу поправить свой поступок, кроме как предложив дать вам сатисфакцию поединком, несмотря на разницу в звании.

Волконский смотрел на Винцингероде влюбленными глазами, в эту минуту он был готов его расцеловать. На лице ротмистра мелькнула гадкая ухмылка.

– Генерал! – ответил он довольно развязным тоном. – Я от вас не этого прошу. Не забудьте меня представлением при случае, и будем квиты.

Сержа словно варом обдало: каков подлец! Да он и не заслуживал сочувствия! Стреляться на шести шагах! Сегодня же! Иначе он при всех...

– Возвращайтесь туда, откуда вас привели, – холодно сказал Винцингероде. И обернулся к Волконскому: – Полковник, отправьте распоряжения частям о выступлении к Баутцену.

* * *

– Войска вашего императорского величества, очистив от неприятеля все земли, между Неманом и Эльбою лежащие, вступили марта 15 числа, к неопишуемой радости жителей, в Дрезден, столицу Саксонии, – диктовал Кутузов адъютанту донесение императору. – Переправа легких войск произведена была с такою быстротою, что неприятель счел оную за общую переправу армии через Эльбу, что свидетельствуют перехваченные у него бумаги. В Дрездене оставлен неприятелем госпиталь, содержащий в себе до тысячи человек, а ключи города при сем счастье имею повергнуть к освященным стопам вашего императорского величества...

Поставив свою подпись, светлейший отправил ординарца догонять государя, уже выехавшего в Кроточин. Слуги укладывали вещи в дрожки. Снова ехать по знаменитой польской грязи...

На что умен государь, а и он сейчас точно в охотничьем азарте. Уж больно легко все удастся: неприятель отступает, немцы объаты огнем патриотизма... Кому же не по нраву, когда его любят и прославляют? Вот только и Наполеону в прошлую кампанию поляки курили фимиам, пока наша армия пред ним отступала. Однако он вел с собою полчища, а у нас что? Отряды партизанские! За Эльбой уж не будет того, что теперь. Наполеон точно знает, каковы наши силы. Вот наберет лошадей, обучит рекрутов, соединит их с лучшими солдатами – и отбросит нас обратно, когда ему вздумается. Немцы что? Как разгорелись, так и остынут. Правители их все себе на уме, своей выгоды не упустят; Бонапарт их знает как облупленных, живо перессорит, застрашает... Витгенштейн и Блюхер рвутся вперед, гусарствовать. Ох...

Возле дрожек Кутузов столкнулся с Шишковым, который спешил к себе на квартиру собираться, чтобы тоже ехать вслед за государем. Он уже слышал о занятии Дрездена и поздравил фельдмаршала со взятием четвертой столицы.

– Каков Даву-то, слышали? – весело сказал ему Кутузов. – Король Саксонский еще прежде написал ему письмо, чтобы не трогали моста, коли город будет оставлен. Мост старинный, несколько веков простоял; сам Наполеон, дескать, обещал ему, что мост целым оставят. Подарок драгоценный прислал – ну, как обычно. Так Даву-то подарок взял, а мост все равно велел подорвать, как французы из Дрездена уходили.

Подобные известия всегда очень огорчали Шишкова. Двадцать лет своей жизни он провел в морских походах; сражения, в которых он участвовал, губительные и кровопролитные, не производили разрушений на суше. Однако еще в молодости, лейтенантом, посланный с секретными поручениями в Италию и Грецию, Александр Семенович проникся недобрым чувством к французам, оставлявшим похабные надписи на греческих часовнях, которых не оскверняли даже турки! Когда же, наконец, будет положен конец всем этим непотребствам? Кто остановит нечестивую нацию?.. Он мог бы долго говорить на эту тему, но Кутузов, простившись с ним, уехал.

У входа в дом собралось множество бедняков, просивших милостыню. Жалкий вид их растрогал Шишкова; он раздал все деньги, какие имел при себе, вложив целый талер в руку еврейки в грязном рубище, окруженной стайкой детей. Вместо того чтобы поблагодарить его, она неожиданно залилась слезами, громко причитая на своем наречии и раскачиваясь из стороны в сторону. Из расспросов Александр Семенович уразумел, что муж этой женщины был послан русским командованием в одну из осажденных крепостей, защищаемых солдатами разных наций, с тайными письмами и попался с ними; француз-комендант велел его повесить. Вэй мир! Теперь она горькая вдова с десятью малыми детьми и без копейки денег! Шишков сам отправился к коменданту Калиша узнать, правду ли она говорит, было ли такое происшествие. Комендант пожал плечами: кого-то из евреев в самом деле посылали в Данциг, пообещав ему награду, за которой он не явился, но этого ли, другого ли – кто их разберет. Оставив женщине пятьдесят червонцев, Александр Семенович выехал в Кроточин.

12

Мориц проснулся от птичьего щебета, сладко потянулся в постели и улыбнулся. Уже несколько дней он просыпался с улыбкой! С начала апреля он перебрался на новую квартиру – в дом доктора Летьера, стоявший слегка на отшибе, недалеко от городской заставы, и это стало самой большой его удачей за... он даже затруднился бы сказать, за сколько времени.

Снизу уже доносились голоса, другие утренние звуки, а вскоре ноздри защекотал запах свежесваренного кофе. Умывшись, заправив постель и пригладив волосы гребешком, Мориц надел поверх сорочки свой изрядно потрепанный мундир и спустился по лестнице.

Вся семья уже сидела за столом. Пожелав всем доброго утра, Коцебу сел на свое место рядом с Шарлем, жадно вдыхавшим аромат свежего хлеба, который его отец нарезал большими ломтями. Мадам Летьер разливала кофе, подав первую чашку бабушке своего мужа (еще довольно бойкой и хлопотливой старушке). Жюли аккуратно намазала один ломоть маслом и передала его Морицу на тарелке.

Комната у доктора стояла на десять франков дороже, чем у Шозле, но выгод от переезда было не счесть. Летьеры жили, «как до революции» (так говорили в городе), то есть скромно и благопристойно, по заветам Руссо. Их домик с маленьким садиком был обласкан солнечными лучами, согрет изнутри теплом любви к людям, и у них были книги! Даже много книг, по меркам Суассона. Коцебу уговорился с доктором о том, что часть квартирной платы он отработает, давая Жюли и Шарлю уроки немецкого, арифметики, географии и рисования.

После кофе доктор отправился в больницу для бедных, где он лечил бесплатно. Мориц и Шарль перешли в гостиную, служившую также классной комнатой. Коцебу продиктовал своему ученику задачу на дроби, про воз сена, которое едят вместе лошадь, коза и овца. Мальчик задумался, закусив кончик пера; его взгляд невольно обратился к окну, за которым, на едва опушившихся зеленой дымкой кустах, громко чирикали воробьи. Мориц и сам загляделся, но быстро опомнился и напустил на себя строгий вид. Шарль бился над второй задачей – про двух путников, идущих навстречу друг другу из двух сел, – когда вошла Жюли, закончив помогать матери на кухне. Она была на год старше брата, ей не так давно исполнилось пятнадцать, и в ней теперь сосуществовали девочка и девушка: непосредственность внезапно сменялась смущением, а задорный смех – проникновенным и неожиданно глубоким взглядом.

Жюли принесла книгу для урока немецкого. Заставив для начала своих учеников вытвердить спряжение неправильных глаголов, Мориц взял маленький томик в скромном желтом переплете и стал листать, чтобы выбрать отрывок для диктовки. Это были «Гимны к ночи» Новалиса.

Словно электрический ток устремился со страниц в кончики пальцев; по всему телу пробежала теплая волна, глаза защипало...

– Pourquoi me regardez-vous comme ça? – спросила Жюли. И тотчас повторила по-немецки: – Warum sehen Sie mich so an?

Сморгнув слезы, Мориц улыбнулся ей:

– Vous me faites penser à ma soeur.

– Il faut dire «vous me faites penser», Monsieur Maurice, – поправила его мадам Летьер, устраиваясь в своем вольтеровском кресле, и протянула руку за корзинкой с вязанием. – Vous avez donc une soeur? Elle est votre cadette? Quel âge a-t-elle?¹⁸

Мориц представил себе Каролину с такой же книжкой в руках, сидящей на канапе, подбрав под себя ноги. Тогда ей было столько же, сколько Жюли, а теперь... Мадам Летьер заставила его несколько раз повторить «vingt-deux ans»¹⁹, добиваясь правильного произношения носовых звуков.

Чтобы вновь сделаться учителем из ученика, Коцебу заговорил по-немецки, предоставив Жюли переводить. Подарив жизнь Каролине, его мать умерла, оставив трех маленьких сыновей; Морицу тогда было всего полтора года. Погоревав, отец женился снова – на двоюродной сестре капитана Крузенштерна; она была на двадцать лет старше Морица, они прекрасно ладили. Года четыре Коцебу чудесно жили в деревне, в десяти лье от Нарвы; там родились Амалия и Элизабет. Потом отец отправился путешествовать по Германии, забрав с собой новую семью (Август родился в Йене, а Пауль – в Берлине), старших же сыновей определил в кадетские корпуса в Петербурге благодаря протекции их деда фон Эссена, генерала на русской службе. Потом... потом отец, снова обосновавшийся в родном Веймаре, поехал в Россию повидаться с детьми, но на границе его арестовали, объявив якобинцем, и сослали в Сибирь. Однако там он пробыл совсем недолго, всего пару месяцев, да и то летом: император Павел, известный своими непредсказуемыми перепадами настроения, помиловал его за драму «Лейб-кучер Петра III» и даже наградил поместьем в Лифляндии с четырьмя сотнями душ, пожаловав чин надворного советника. Впрочем, императора вскоре... унесла смерть. Отец вернулся в Германию, был избран в Прусскую академию наук, издавал драматический альманах. В Берлине родилась Луиза, но через несколько недель отец снова овдовел. Мориц и Отто тогда как раз отправлялись в кругосветное плавание; мачеха скончалась всего за день перед тем, как они покинули Кронштадт... Чтобы размыкать горе, отец отправился путешествовать по Франции,

¹⁸ Почему вы так на меня смотрите? (франц., нем.) – Вы поминаете мне мою сестру (франц.). – Надо говорить «вы мне напоминаете», ме́сье Морис. Так у вас есть сестра? Младшая? Сколько ей лет? (франц.)

¹⁹ «Двадцать два года» (франц.).

но малышам нужна была мать. Он вернулся в Лифляндию и женился на другой кузине Крузенштерна. Новая мачеха Морицу почти как старшая сестра, между ними всего одиннадцать лет разницы, а его старший брат Вилли моложе ее только на шесть лет. Правда, Мориц не был ни на свадьбе, ни на крестинах Карла и Адама, проведя целых три года в плавание к далеким берегам. Потом началась война, так что Фридрих, Георг и Вильгельмина тоже родились в отсутствие Морица. По сути говоря, он совершенно не знает новой жены своего отца и единокровных братьев и сестер. Мачеха опять была в интересном положении, когда Мориц попал в плен; она должна была родить... когда же? Да-да, в прошлом месяце! Но он не получает писем из дому, хотя сам написал уже целый ворох...

– *Pauvre enfant!*²⁰ – всплеснула руками мадам Летьер.

Из кухни донесся веселый баритон доктора, вернувшегося домой, потом зов бабушки, скликавшей семью на завтрак.

После завтрака Летьер сел верхом и отправился объезжать своих пациентов в окрестностях города, а к Морицу пришли его приятели Таберланд и доктор Кун: с ними Коцебу говорил по-русски, помогая им усовершенствоваться в этом языке.

Разговоры с товарищами по несчастью были самым тягостным моментом дня, ибо о чем они могли поведать друг другу? Изнуренные, обносившиеся... Когда им устраивали смотр два раза в неделю, жители Суассона нарочно приходили посмеяться над русскими, являвшимися к коменданту в отрепьях и с палками в руках, точно нищие. Доктор Кун, получавший пятьдесят девять франков в месяц, сам себя посадил на хлеб и воду, чтобы сшить себе новый сюртук и пару сапог; на экономию ушло пять месяцев, и за это время он довел себя до такого истощения, что после месяц пролежал больным. Обиднее всего было бы расстаться из-за больного желудка с сюртуком и сапогами; по счастью, богатый аптекарь, пользовавшийся познаниями доктора в химии, отпускал ему лекарства даром. Понемногу узнавая русских, французы, особенно образованные люди, начинали извлекать пользу из этого знакомства. И эта польза была взаимной. К примеру, гвардейский поручик Семенов недавно получил от местных дам целых шесть батистовых рубашек! Он взялся развлекать суассонских обывателей комическими сценками и фарсами, склотив небольшую труппу из своих приятелей. Представления имели такой успех, что их стали приглашать в частные дома, угощать и дарить необходимые вещи.

Хорошо, что растреклятая зима закончилась. Нижние чины нанялись в работники к местным крестьянам на виноградники; младшие офицеры, сбившись в артели, вспомнили свои детские забавы, сделав их источником пропитания: ловят в местной реке, вершами и на удочку, плотву, пескарей, карасей и даже карпов, если повезет. В городе ходят слухи, будто Пруссия соединилась с Россией против Наполеона и что союзные армии уже переходят через Эльбу! Если это так, то в скором времени нужно ждать перемирия, размена пленных... Ах, поскорей бы! Сколько можно прозябать здесь, когда более счастливые товарищи участвуют в сражениях, получая чины и награды! Таберланд больше всего переживал из-за того, что Керн, с которым они были вместе произведены в майоры, теперь, наверное, уже полковник, а может, даже генерал.

Проводив приятелей, Мориц вернулся к своим ученикам: показывал им на глобусе маршрут «Надежды», рассказывал о Бразилии и заставлял отыскивать мыс Горн. Как ни интересны были его рассказы, дети все чаще посматривали на часы. В половине третьего учитель отпустил их, они тотчас побежали к воротам встречать отца. Мориц тоже вышел из дому: просто грех сидеть взаперти в такую погоду!

Апрельское солнце ощутимо пригревало, но воздух оставался свеж и мягок. Между корней деревьев в садике проклюнулись первоцветы, хотя набухшие почки на ветках еще не рас-

²⁰ Бедный мальчик! (франц.)

пустились; круглые красные попки редисок с задорно торчащими хвостиками дразняще выглядывали из грядки; на соседних зеленели метелочки моркови, артишоков и спаржи.

Спрыгнув с седла, доктор обнимал детей по очереди, словно не видел их по меньшей мере неделю. Мориц любовался этой сценой издали. Когда отец прижимал его к груди в последний раз? Даже не вспомнить... На обед были овощи, баранина с молодым картофелем и цукаты, прекрасно оттенявшие вкус хорошего вина. Отдавая должное стряпне жены и бабушки, доктор успевал рассказывать домашним о новостях.

Первым делом он отправился в замок Берзи-ле-Сек, проведать старика Барива с его подагрой. Пока они беседовали, в доме сделалась суматоха: один из слуг, вызвавшийся помогать кухарке, с непривычки отрубил себе палец. («Ах!») Летьер наложил ему повязку. Парень крепкий, здоровый; ему дали водки, чтобы унять боль. Ничего, проживет и беспальным, жениться это не помешает – девицы сейчас не обращают внимания на такие пустяки. Пока доктор возился с неожиданным пациентом, примчался впопыхах лакей из особняка де Барралей: с госпожой нервный припадок. Пришлось скакать туда. У Барралей все в слезах и нюхают соли, а сама вдова лежит в постели без чувств: с ней сделались судороги. («Боже мой!») Сделав все, что положено, доктор осведомился у домашних, чем было вызвано недомогание. Это вновь повергло дам в слезы. Как оказалось, император велел набрать почетную конную гвардию, составив ее из десяти тысяч молодых людей двадцати пяти – тридцати лет из самых лучших семей и достаточно состоятельных, чтобы оплатить коня и экипировку из собственного кармана. Нынче утром префект сообщил госпоже де Барральной, что это распоряжение коснется ее сына. («Бедняжка!») Да-да. Она же души не чает в своем младшем, особенно после того, как старший погиб в Испании. Он служит аудитором Государственного совета, женился два года назад... И не имеет ни малейшего понятия о военном деле! Она была совершенно спокойна на его счет, и вот...

Мориц спросил как бы невзначай, неужели дела императора настолько плохи, что он призывает в гвардию людей, не умеющих воевать. Доктор не стал уходить от ответа. В городе говорят (и эти сведения получены от надежных людей), что шведы без боя заняли Померанию и ждут скорого прибытия Бернадота, чтобы идти на запад. Во Франции плохо верят, что маршал окончательно сделался шведом; некоторые считают, что он послан Бурбонами, чтобы подготовить восстановление законной династии. С другой стороны, возможно, что в случае с де Барралем префект просто сводит старые счета, одновременно желая выслужиться, потому что сей молодой человек позволял себе неодобрительные высказывания о действиях правительства.

– Учитель истории в Кадетском корпусе рассказывал нам, что Александр Великий перед походом в Азию намеренно окружил себя юношами из знатных македонских семей, чтобы предотвратить возможность заговора в свое отсутствие. Они были нужны ему не столько как воины, сколько как заложники.

Все разом посмотрели на Морица, так что он даже смутился.

– Возможно, вы правы, – раздумчиво произнес доктор, подбирая соус хлебной коркой. – И кстати... Тот парень на кухне... Как он мог случайно отрубить себе палец на правой руке, если он правша?.. У Ратуши вывешен сенатус-консульт о новом рекрутском наборе. Без указательного пальца его ведь признают негодным к службе, не так ли?

– Ну разве что фурлейтом, – возразил Мориц.

– А фурлейта могут убить? – спросила Жюли.

Ее родители разом вздохнули, но промолчали. Мориц осторожно ответил, что на войне случается всякое. Кому что на роду написано.

После обеда вся семья отправилась в садик – вести войну с сорняками и мокрицами, пожиравшими редис. Затем доктор уехал на новый обход, а Мориц со своими учениками рисовал акварелью примулы, показывая, как правильно смешивать краски. Незаметно спустился вечер, тихий и нежный, смолкли даже воробы. Бабушка рвала в саду спаржу, чтобы сварить ее

на ужин, мадам Летьер и Жюли вышли на крылечко с шитьем, желая воспользоваться последним дневным светом. Вернулся неутомимый врач и позвал всех гулять: моцион полезен для здоровья.

Мориц оглядывал окрестности взглядом бывалого топографа. Суассон лежал в котловине меж холмов, засаженных виноградниками; река Эна, делившая город на две неравные части, убегала к Компьенским горам, ее долина была усеяна небольшими деревнями и старинными замками. Ближе всех находился поселок Вобюэн; Летьер повел Морица к домику из белого камня с красными углами, обещая интересное знакомство.

Им открыла немногословная пожилая служанка сурового вида, сообщившая доктору, что хозяин работает в беседке. Гости прошли в сад. Из круглой башенки, почти сплошь увитой плющом, доносился надтреснутый старческий голос, как будто диктовавший что-то.

– К вам доктор Летьер, сударь! – громко объявила служанка и тотчас ушла.

В беседке, завернувшись в теплый клетчатый плед, сидел седой старик с трехдневной белой щетиной на впалых щеках. Когда он повернул голову, Мориц был неприятно поражен, увидев белесые зрачки посреди ореховых глаз. Старик был слеп; рядом с ним, за небольшой конторкой, помещался секретарь, писавший под его диктовку, однако он тотчас откланялся и удалился.

Задав хозяину несколько вопросов о самочувствии, доктор представил ему своего спутника. Старик обратил глаза на Морица, будто видел его.

– Не сын ли вы господина Огюста де Коцебу? – спросил он и, получив утвердительный ответ, добавил: – Я состоял в переписке с вашим батюшкой. Весьма, весьма достойный человек.

Морицу было очень приятно это услышать, и не только от гордости за отца. Впервые за долгие месяцы он почувствовал себя не в плену на чужбине, а в гостях у добрых знакомых. Слова старика прозвучали так естественно, как будто не было ни войны, ни неприязни между народами. На обратном пути Летьер пояснил Морицу, что старик – известный ученый Шарль де Пужан, член тридцати восьми европейских академий. Говорят, что он побочный сын принца Конти. В юности он обучался музыке, языкам и живописи, работая по девятнадцать часов в день, его прочили в дипломаты, но в Риме, где его приняли в Академию изящных искусств, он заразился оспой и в двадцать четыре года лишился зрения, которое ему позже пытался вернуть граф Калиостро, но, разумеется, безуспешно. Слепота не помешала Пужану поехать в Лондон с дипломатической миссией, продолжать лингвистические исследования, переписываться с Руссо и редактировать сочинения д'Аламбера, его пьесу «Нимская монахиня» читал в гостиных известный актер Тальма. Разоренный Революцией, Пужан, чтобы сводить концы с концами, переводил книги о путешествиях с английского и с немецкого, потом взялся за книготорговлю и книгоиздательство. Именно ему Бонапарт поручил составить библиотеку, которую он взял с собой в Египет. Но самое главное – его типография давала работу полусотне людей, обремененных семьями. В пятом году, когда Пужану стукнуло полвека, он женился на англичанке, с которой познакомился в Лондоне еще до Революции, – мисс Фрэнсис Сэйер, и два года спустя поселился с ней в Вобюэне. Теперь он работает над словарем французского языка и сочиняет сказки в стихах и в прозе; наверняка ему будут интересны рассказы Морица о Камчатке и Японии.

На добром лице доктора читалось удовольствие от того, что он сделал что-то хорошее. Мориц поблагодарил его в самых теплых выражениях, какие только знал по-французски. Ах, если бы он мог припасть к груди этого человека, поцеловать ему руку, как отцу!.. Шарль вызвал его на состязание: кто первым добежит до ворот; оба помчались взапуски. Запыхавшиеся, раскрасневшиеся, хохочущие, повалились на крыльцо. Справедливая Жюли присудила победу Морицу, но тот сказал, что выиграл лишь потому, что Шарль поскользнулся на траве. Бабушка закричала из кухни, что спаржа готова. Какой чудесный сегодня день!

Достать лошадей было совершенно невозможно. День за днем уходили в хлопотах, нервоотрепке и томительном ожидании; царь, должно быть, уже приближался к Лейпцигу, а Чарторыйский застрял в Калише, теряя надежду нагнать его, пока еще не поздно.

Между тем пришла весть о взятии Ченстоховой после бомбардировки, вызвавшей в крепости пожар. Барон Остен-Сакен приказал прекратить обстрел, чтобы спасти икону Пресвятой Богородицы, и согласился на суточное перемирие, однако отринул условия капитуляции, предложенные комендантом, и настоял на своих. Гарнизону разрешили выйти из Ченстоховой с воинскими почестями, у офицеров не отняли шпаги, но все защитники крепости, включая больных, были объявлены военнопленными и должны были сдать оружие. У Чарторыйского екнуло сердце. Если русские войска будут и дальше громить польский корпус (что не составит для них большого труда), его план с отправкой депутации из Кракова к русскому императору для заключения мирного договора рискует сорваться. Как можно убедить поляков в том, что русские готовят им счастливую судьбу, продолжая бить их? Конечно, Александр сейчас стремится прежде всего успокоить Австрию и Пруссию, но при этом рвет тонкие, едва натянутые нити доверия к нему поляков, противореча своим словам своими поступками! В военном плане польский корпус, обескровленный и обессиленный, не представляет ровно никакой угрозы, его разгром не приблизит победу над Наполеоном, зато он еще больше отдалит великий день, когда Александр с полным правом сможет назвать себя покровителем Польши. Малейшая ошибка обернется непоправимым злом!

В Калиш примчался курьер, ехавший к армии. Чарторыйский отправил с ним письмо к государю, в котором изложил все свои соображения, не слишком тщательно замаскировав гнев иронией, и на освободившихся лошадях вернулся в Варшаву. Скакать в Саксонию смысла не было: самое большее, на что он мог рассчитывать, – следовать за Александром в толпе его свиты, подстерегая момент для просьбы об аудиенции и бесплодно теряя время.

Его номер в Английской гостинице был уже занят, пришлось остановиться в небольшой квартирке на Длугой, над бывшим рестораном Пуаро, хозяин которого уехал перед приходом русских.

В Брюлевском дворце теперь заседал Временный верховный совет Варшавского герцогства, назначенный мартовским указом Александра. Чарторыйский нанес визит генерал-губернатору Ланскому, заехал к вице-председателю Новосильцеву, но не застал его. С Новосильцевым они давненько не виделись, и князь Адам даже испытал облегчение от того, что их встреча откладывается, настолько неприятным был осадок от их последнего свидания. Они и раньше не сходились во взглядах, но если прежде споры служили своей прямой цели – поиску истины, сопоставлению разных мнений ради избрания наилучшего решения, то ныне дискуссии сводились к потоку взаимных оскорблений, разговору двух глухих с криками и хлопаньем дверью. Пристрастие Новосильцева к горячительным напиткам давно ни для кого не было секретом; с годами его мозг, довольно подвижный в молодости, утратил гибкость, стремясь избавиться от лишнего труда – входить в подробности дела и допускать чужую правоту.

Зато визит к Томашу Вавжецкому, советнику юстиции, не предвещал никаких осложнений. Как и Францишек Любецкий, отвечавший за внутренние дела, Вавжецкий видел будущее Польши под эгидой России, хотя и участвовал девять лет назад в восстании против нее. По крайней мере, сейчас Чарторыйскому с ними по пути, а там... видно будет.

Томаш постарел и как будто еще больше располнел с тех пор, как они встречались три года назад по делам Виленского университета, но это не было здоровой полнотой: нагнувшись за упавшим на пол письмом, он долго потом не мог отдышаться и отирал платком бисеринки

пота с покрасневшего лица. Мебель в кабинете, где они расположились для разговора, была разрозненной, и во всем доме витало чувство неустроенности.

Чарторыйский знал, что поместье Вавжецкого в Видзах (полсотни дворов и несколько фольварков) разорили французы. В ответ на выражение сочувствия тот лишь махнул рукой – что он, один такой? Убытки в имениях князя Зубова в Шавельском уезде перевалили за сто тридцать тысяч рублей, в Ковенском всех убытков насчитали на двести тридцать три тысячи, в Виленском – свыше шестисот, в Тельшевском – и вовсе на миллион. И возместить их некому. Жителям всего обиднее, что пленным французским и немецким офицерам раздают деньги на вспоможение от царской семьи, виленскому коменданту отпускают на их содержание по сорок тысяч в месяц, а обывателей притесняют новыми поборами и грозят конфискациями за измену.

– Как? – в удивлении воскликнул князь Адам. – Государь ведь объявил амнистию! Они не имеют права!

– Жалует царь, да не жалует псарь, – с сердцем выговорил Вавжецкий по-русски.

Он сопел, сидя в кресле и машинально поглаживая свое колено слегка дрожавшей рукой, потом решил. Слова полились расплавленной лавой, однако Чарторыйский чувствовал, как все нутро его от них леденеет.

Стоило всемилостивому императору, простившему своим подданным их заблуждения, выехать за пограничный столб, как свора бессовестных стяжателей, наглых грабителей и мучителей, именующих себя его слугами, установила в пяти освобожденных губерниях царство бесправия и произвола. Начальникам губерний был разослан циркуляр с предложением сообщить о лицах, отличившихся подвигами любви и привязанности к России. Стоит ли говорить, что подобных лиц не обнаружили вовсе! Зато доносы посыпались со всех сторон. Множество жандармских офицеров рыскали повсюду, доставляя военному обер-полицейстеру Эртелю новых жертв, которых внезапно выхватывали из семей неизвестно за что, доставляли к нему на допрос, избивали, чтобы вынудить признание в преступлении, бросали в тюрьму, высылали без суда! Прочих же донимали мелкими придирами, которые порой бывают нестерпимее всего, точно расчесанный комариный укус. Вот вам пример: при отступлении французы бросили в Вильне ручные железные мельницы, которые раскупили обыватели. Эртель потребовал представить эти мельницы в течение двух дней, обещая вернуть уплаченные за них деньги; мельниц набралось всего два десятка, ему этого показалось мало, и по домам стали ходить с обысками, заводя «дела» из-за укрывательства французских вещей!.. Добро бы заподозренных в неблагоприятных поступках судили законным порядком и публично! Никто не заступился бы за смутьяна или вора. Но никакого беспристрастного расследования нет! Можно играть слезами и гибелью невинного человека! А если бы доносчика заставили предстать в зале суда и посмотреть в глаза честным гражданам? А если бы его уличили в лжесвидетельстве?.. Что касается прав супругов или кредиторов на секвестрированные имения, то разбор этих дел следует поручить беспристрастной комиссии из уважаемых людей, сам князь Кутузов признавал это! Нужно непременно ставить препоны для корыстолюбивых и мстительных чиновников, способных совершить массу зла, в котором они не только не раскаиваются, но даже вменяют его себе в заслугу!

Или вот еще: среди военнопленных оставалось больше двухсот испанцев и португальцев, офицеров и нижних чинов. Их под командой особого офицера отправили в Мемель для пересылки морем на родину, снабдив деньгами и всем необходимым, предписав местным властям продовольствовать их, лечить и оказывать другое содействие. Между тем генерал Зайончек, шестидесятилетний старик без обеих ног, и генерал Дзевановский, примерно тех же лет, переведены из Вильны внутрь России. Какую опасность для империи являют собой сии старцы-калеки? Зачем было подвергать их тяготам этого путешествия? Почему не отпустить их в Польшу под ручательство родных?..

Чарторыйский потрясенно молчал. Решив, что ему не верят, Вавжецкий назвал имена нескольких шляхтичей, приехавших в Варшаву, которые покинули свои пенаты, не в силах долее жить в постоянном страхе, что любой ябедник, любой еврей, объявивший себя российским патриотом, накропает на тебя донос, чтобы лишить имущества, чести, самой жизни – из мелкой мести, ради наживы, да просто чтобы покуражиться. Адам Ежи пообещал непременно навестить их – не из недоверия к своему уважаемому коллеге, а чтобы собрать больше сведений и представить царю самую полную картину.

С ночью в сердце выслушивал князь Адам горькие рассказы – и чувствовал себя прикованным к позорному столбу, словно указующие персты нацелились в него со всех сторон: «Это ведь ты, ты убеждал нас остаться, поверить, немного потерпеть!» Чарторыйский не спорил, не возражал, лишь обещал сделать все, что в его силах, чтобы император Александр узнал об этих несправедливостях, творящихся от его имени, и принял меры. Он готов поклясться всем, что для него свято: царь искренен в своем желании снискать любовь поляков, ему нет никакой нужды лицемерить.

Покачиваясь в экипаже, возившем его по улицам, сидя дома в полумраке своей дурно обставленной комнаты, князь Адам вел мысленный монолог. Люди глупы, жестоки и злы. Такова их природа, исправить которую можно лишь мудростью, благожелательностью и терпением. Во всем Содоме не нашлось десяти праведников, а в Литве сейчас, наверное, не отыскать и одного Лота. Так неужели же истребить ее за это? Русские войска ведут себя не лучше французских мародеров, несмотря на строгие запреты, изданные государем, – все потому, что командиры не препятствуют насилию, совершаемому солдатами, а власти подают последним дурной пример. О чем думал Александр, назначая генерал-губернатором Ловинского, бывшего прежде губернским почтмейстером в Вильне? Его неприязненное отношение к полякам известно всем, а теперь он обладает средствами и возможностями для удовлетворения своей вражды к ним. Зачем было отправлять в западные губернии Эртеля, напрочь лишённого души и здравого смысла, доведенного до иступления собственной жестокостью и в таком состоянии совершающего еще больше преступлений под видом исполнения своих обязанностей? Спросите даже русских, натерпевшихся от него в прошлое царствование, когда этот пруссак был московским обер-полицмейстером и сурово пресекал ношение очков и круглых шляп, – они подтвердят.

Изнемогая от собственного бессилия, с клочкотанием в груди и гудящей головой, Чарторыйский шел гулять в Саксонский сад. Завидев его, знакомые сворачивали на другую дорожку или заговаривали с кем-нибудь еще. Он уезжал верхом за город – в Жолибож, Беяны, бродил по обрывистому берегу Вислы, подолгу простаивал у какой-нибудь мельницы на Рудавке, глядя, как неумолимая вода крутит колесо, заглушая мысли этим шумом.

Такое впечатление, что российские чиновники нарочно стараются довести жителей до крайности, чтобы они от отчаяния прибегли к восстанию без всякой надежды на успех, предпочитая погибнуть, чем и дальше сносить подобные издевательства. Может быть, у них в самом деле есть такая цель, Чарторыйского бы это не удивило. Выставить обиженных мятежниками, чтобы лишить государя возможности защищать их от чиновничьего лихоимства и принудить его прибегнуть к карательным мерам, отказавшись от политических планов в отношении Польши...

Письмо к Александру получилось длинным. Несколько раз подчеркнув, что из всех облеченных властью лиц только сам царь был *несколько* расположен к полякам, Адам Ежи посоветовал ему придумать должность при главной квартире для заведования делами в Литве и назначить на нее польского уроженца, который стал бы защитником своего народа. Он сам бы взялся исполнять такие обязанности, но готов уступить их любому другому депутату, присланному из Вильны. Девять миллионов людей заслуживают внимания к себе! Настраивая их против русских, слуги государя могут оказать ему медвежью услугу. Медлить нельзя, настроения

в обществе меняются с каждым днем. Если политические соображения пока не позволяют его величеству объявить своих намерений открыто, нужно сделать хоть что-нибудь для ободрения отчаявшихся – просто из человеколюбия и приверженности к справедливости.

Закончив письмо, Чарторыйский перечитал его, сделал приписку о том, что вовсе не желал оскорбить государя, рассказав ему правду, запечатал и сам отнес на почту. На обратном пути князь наткнулся на пышный кортеж генерал-полицмейстера Эртеля, вступавшего в город с видом великого инквизитора.

14

– Vivat der grosse Alte! Vivat unser Grossvater Kutuzoff!²¹

Подняв в правой руке свою фуражку, фельдмаршал улыбался через силу. В правый глаз словно вонзился раскаленный гвоздь, от головной боли мутило, а крики ликующей толпы били по ушам.

За плотными рядами людей так же тесно прижимались друг к другу дома с облупившимися фасадами и щербатыми черепичными крышами. «Толстые» стискивали между собой «худых» – или, напротив, не давали им упасть; крашеный охрой «простак» удивленно раззявил приземистую арку. С обшарпанной готической церкви звонил запинаящийся колокол, в Кутузова летели букетики нарциссов и примул. Подъехал адъютант императора, передал фельдмаршалу лавровый венок, поднесенный Александру: все лавры принадлежат главнокомандующему. Кутузов взял венок обеими руками, приложил к губам, нахлобучил на седую голову. Господи, скорей бы уж к месту определиться, мочи нет!

²¹ Да здравствует великий старик! Виват нашему дедушке Кутузову! (нем.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.